

**ПРЕВОСХОДСТВО
НЕОДАРЕННОГО**

Константин Киба

Дмитрий Ра

**Превосходство
Неодаренного. Том 1**

«Дмитрий Ра»

2024

Ра Д.

Превосходство Неодаренного. Том 1 / Д. Ра — «Дмитрий Ра»,
2024 — (Константин Киба)

Меня предали и я попал в школу для неодаренных в магической России. В слабое никчемное тело. Без дара. Без денег. В окружении злобных мажоров. Но жалкие людишки не знают, кем я был. Мастером пыток. Высшим палачом. Игра начинается.

© Ра Д., 2024

© Дмитрий Ра, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Ра
Превосходство Неодарённого. Том 1
© Дмитрий Ра, 2024

Глава 1

Новая Эра

Я должен был проснуться в своей кровати из красного дерева. А день должен был начаться, как всегда. С криков, стонов, мольбы о пощаде и металлического запаха крови...

Но не с запаха дерьма.

Я сижу со спущенным штанами на унитазе и рыдаю в странную говорящую штуку, прижатую к уху.

– Константинчик, ты где, мое солнышко? Я уже еду, скоро буду, жди...

Пальцы сами нажимают на кнопку сброса вызова. Похоже, они лучше, чем я, понимают, что нужно делать.

Моргаю. Один раз. Второй. Медленно нагибаюсь, кладу неведомый агрегат на кафельный пол. Моргаю третий раз.

Хочу встать, но понимаю, что еще не закончил свои естественные нужды. Морщусь.

Хлопает дверь. Смешки. Кто-то заходит в туалет.

Бам! Бам!

Кто-то бьет в двери туалетных кабинок по соседству.

Непонятные слова всплывают в голове. Туалетная кабинка, телефон, история браузера?..

Бам!

Моя дверь чуть не слетает с петель. Вздергиваю бровь.

– Ау-у-у-у... – слышится за дверью. – Ты там? Мы пришли за тобо-о-ой...

Спокойно продолжаю свои дела.

– Думал спрятаться от нас?

Не отвечаю. Пытаюсь понять, что происходит, осматриваю свои ладони. Худощавые. Запястья еле двигаются. Я так сильно похудел или...

Бам!

– Проспись как следует, слышь? Тебе это пригодится. Мы подождем...

Кто-то ржет. Четверо. Среди них одна женщина. Смех ее противный, режет по мозгам. Как скрежет когтями сарконского ящера о мраморный пол в храме Шэйлы.

Ощупываю свое лицо. Формы не мои. Нос слишком маленький, уши и волосы слишком короткие. Губы узкие, воспалившиеся.

Машу руками, вычерчивая узоры Шэйлы в эфире. Ничего не происходит. Эфир не отвечает. Его просто нет.

Что-то шуршит.

– Угощайся!

Сверху сыпется мусор, а следом и сама мусорная корзина. Откидываюсь назад и всякая шелуха падает в ноги. Рассматриваю мятые салфетки, туалетную бумагу в дерьме, пережеванные объедки, банановые шкурки.

Нагибаюсь, подбираю зубочистку в целлофане. Достаю ее, верчу, ловко перекидывая с пальца на палец. Похоже, в памяти остались некоторые мои умения. Равнодушно сую зубочистку в рот, пожевываю.

Итак. Я не в Варгоне. Это точно. Не узнаю ничего вокруг. Хотя понимаю, что это называется салфетка, туалетная бумага и банан. Словно знал о таких вещах всегда.

– Эй, ты слышь, мудак? Выходи, я устал ждать. Или выломать дверь?

Играю зубочисткой во рту.

Кто это такие? Они мне угрожают?

Так, похоже, я закончил. Верчу голову в поисках туалетной бумаги. Не нахожу. Проверяю карманы. Ключи и носовой платок. Второе подойдет. Провожу гигиенические мероприятия, аккуратно складываю платок, держа двумя пальцами. Морщусь, но кладу его обратно в карман джинсов. Пригодится.

Подбираю мусорную корзину.

Еще раз испытываю всю щедрость своего нового тела.

Прикладываю ухо к двери, прислушиваюсь. Люди за ней перешёптываются, говорят о каких-то очках, понтах, уважении и как обоссут меня, заставляя молить о прощении. Девка противно хихикает. Интересно...

Оглядываюсь в поисках хоть чего-нибудь, что может мне помочь. Ага вроде, это называется ёршик.

Подбираю. Довольно хмыкаю. Теперь у меня настоящий гладиаторский набор. Щит – корзина. Меч – ершик. И сюрприз в кармане.

Слышу, как кто-то заходит в соседнюю кабинку, встает ногами на унитаз. Успеваю тихо открыть щеколду двери, одновременно поглядываю наверх. Через перегородку между кабинками на меня пялится рыжий, прыщавый мальчишка лет семнадцати. Довольно лыбится.

– Ну ты и...

Он не успел договорить. Со всей своей хлюпкой силой я втыкаю ему в пасть грязный ёршик щетинистой стороной. Рывок, и заталкиваю в самую глотку. Слава Шэйле, для этого не надо много силы.

Парень с грохотом падает, захлебывается, хрипит. Не дожидаясь, когда сюда вломятся, я со всей дури пинаю дверь. Она ожидаемо разбивает чей-то нос.

Крики, стоны.

Вот, это уже моя стихия.

Выскакиваю из будки. Мне понадобилась доля секунды, чтобы сообразить, где выход. Несусь туда. Выбегаю за дверь. Последний парень выходит из ступора, бежит за мной.

– Стоять, гнида! Ты чего творишь?!

Выскакиваю из туалета. Прячусь за дверью, жду.

Парень выбегает следом, озирается, выискивая меня. А я насаживаю ему на голову корзину. Он пытается ее сорвать, нисколько не заботясь о том, что открылся.

Один быстрый удар ногой, и чувствую, как его маленькие бубенцы растекаются в мошонке под мощью моей тощей ноги. Он падает на пол, воет от боли. Я довольно улыбаюсь, выплевываю на него зубочистку.

Возвращаюсь обратно в туалет, замечаю, что на двери нет замка – закрыться и подольше потолковать с девочкой не получится.

Рыжий сопляк задыхается, пытается выдернуть из себя застрявший ёршик, раздирая себе губы. Другой воет, держась за сломанный нос. Кровь брызжет из него, как из свиньи. Кучерявая девчонка в веснушках трясется, как наложница бога разврата. Она замечает меня, истерично визжит, прикрываясь руками:

– Ах ты дрянь мелкая! Неудачник! Паскуда! Я – исталка! Ты хоть врубаешься, чт...

Быстрым движением я сую ей в пасть припасенный сюрприз – платок бывшего употребления. Легко шлепаю ей по подбородку, заставляя грязный рот закрыться.

– Приятно познакомиться, миледи. Как пережужешь, поговорим.

Широкоплечий парень со сломанным носом булькает, пытается встать. Я размахиваюсь и добиваю его ногой по голове, вдавливая остатки носа в череп. Он хрюкает в последний раз, складывается на полу и больше не шевелится.

Сажусь ему на спину, закидываю ногу на ногу, брезгливо ожидаю, когда девка выблюет остатки завтрака. Или обеда, не знаю.

Смотрю в ее красное и озлобленное лицо, терпеливо жду, когда она окончательно отплюется. Рыжий все еще воюет с ершиком.

Так, времени у меня мало. Слишком уж нашумел.

Девка стоит на четвереньках, пуская слюну, как бешеная кошка:

– Тварь! Гнида! Сука!

– Понравилось блюдо? Как раз для твоего грязного рта. Еще будешь?

– Тебе это так просто...

– Где я? Отвечай. Коротко.

Недолгая пауза. Тонкая струйка слюны стекает по ее подбородку:

– Ты сбрендил что ли?!

Я многозначительно вздыхаю, носочком подпинаваю банановую кожуру девушке.

– Ешь, миледи. Или говори. Последнее предупреждение.

И это работает. Она смотрит на кожуру и на, вероятно, дохлого дружка с фаршем вместо лица, бледнеет еще сильнее:

– Мы... в... в... новая эра... то есть в... Школе.

– Школе?

– Да! – истерично срывается ее голос. – В сраной школе для неодаренных!

За дверью слышатся тяжелые приближающие шаги. Как я и думал, на шум прибежали незваные гости. А узнать от девки я успел совсем немного. Но сейчас важнее другое. Что мне будет за избиение трех жалких и странных подростков? Осматриваю туалет. Ни одного окна, через которое можно было бы пролезть.

Я встаю с тела, подхожу к девке, шепотом говорю:

– Мы слегка повздорили, поняла? Вы вчетвером на меня напали, а я защищался. Скажешь что-то другое, и закончишь так же, – киваю на окровавленного мальчишку.

Девка не отвечает, но поджимает затрясшиеся губы. Вот и правильно. Воняет из ее пасти, как из медвежьей задницы.

Я усмехаюсь, подхожу к умывальнику и...

Резко сгибаюсь, со всей силы впечатываю себя лицом об раковину. Из рассеченной брови течет кровь. Растираю кровь о щеки, сажусь на пол, хватаюсь ладонью за лицо. Корчу обиженную гримасу, вою:

– Как же больно-о-о-о... у-у-у-у... помогите...

Девка дрожит всем телом:

– Что ты... что ты... ты...

– Не забудь, что я сказал.

В помещение врываются двое мужчин в черных жилетах. Судя по звукам, еще один остается снаружи собирать остатки растекшегося парня с корзиной на голове.

Они выглядят странно. Довольно тощие, но судя по движениям, немного тренированные. У одного почти нет волос, а второй с такими глазами, что не понятно, как с таким узкоглазием смотреть.

– Что тут происходит? – гаркает лысый. – Что с Дреком? Кто его... мать моя...

Мужчины замечают беспорядок. Смотрят на бездыханного широкого парня, потом на девку, на меня.

Я вою:

– Больно-о-о-о...

Лысый мужчина подскакивает к парню с лицом-пюре, щупает ему пульс, с облегчением выдыхает:

– Живой.

Рыжий – красный и в слезах, наконец вырывает из себя ершик, пытается что-то сказать, перебарывая рвотный позыв, тыкает в меня пальцем. Но из его глотки врываются только нечленораздельное «гхр-хо-фр-пр!».

Я в ответ тыкаю пальцем в него и говорю:

– Фр-пр-тр, – сильнее прижимая руку к окровавленному лицу, выдавливая побольше крови.

– Вы трое, – рыкнул лысый, переводя взгляд от меня на девку и «ёршика», – до лазарета дойдете? Вставайте, живо.

Мне повторять дважды не надо. Забрав свой телефон, с кучей пропущенных от «мамы», я хмыкаю и выхожу. В коридоре третий охранник «убаюкивает» скулящего на полу парня:

– Дрек, терпи! Твою мать... Дрек, я уже вызывал санитаров.

Похоже оmlет я этому Дреку прожарил слишком хорошо.

За мной следуют рыжий и девушка.

Они одаривают меня злобным взглядом и проходят мимо, шагают по коридору. Я иду за ними. Кровь стекает с моего лица. Облизываю губы. Приятный металлический вкус крови мне всегда нравился. Действует успокаивающе. Странные вкусы, согласен. Но, как говорится, о вкусах не спорят.

Мимо нас пробегают двое – в белых мантиях. Наверное, лекари. Спешат соскребать парней с пола.

Как только туалет скрывается из вида, я перестаю стонать, убираю руку с разбитой брови и тыльной стороной белоснежной рубашки вытираю кровь с лица

Размышляю. Без малейшего понятия, что тут происходит, но первое правило выживания – «думай, потом делай». Но думать мне до этого момента не давали. И сейчас я чувствую, что сам себя загоняю на дно. Судя по всему, я оказался в теле другого. На сон это совершенно не похоже. Чувствую боль. А настоящий вкус крови не обмануть никакой иллюзией. Да и вообще не понимаю, как сон можно перепутать с реальностью.

Получается, что я – кто-то другой. Но молодой и слабый. Забитый и тощий.

И почему я попал в эту ситуацию? Может быть я умер во сне, а это перерождение? Писание Шэйлы в Варгоне толкует, что после смерти мы становимся теми, кем должны стать в соответствии со своими деяниями.

Я усмехаюсь. По такой логике я должен стать не подростком, а совершенно другим существом. Ладно, сейчас это неважно. Вопрос в другом.

Как скоро короткоухие существа вокруг начнут понимать, что со мной что-то не то? Спросят, как меня зовут – без понятия. Сколько мне лет – ну может лет семнадцать-девятнадцать. Где живу? Как зовут моих родственников? Да что уж. Какой сейчас год и где я нахожусь – даже на это я не отвечу.

Но что тогда делать? Продолжать играть чужую роль или может притвориться, что у меня отшибло память? Но какими идиотами должны быть окружающие, чтобы что-то не заподозрить? А если учесть, что я успел искалечить троих, то скоро могут начаться разборки. И вряд ли мне скажут «ой, ты странный, ты изменился, но да ладно – пойдем выпьем» и продолжат считать меня братом, сестрой или дебиловатым сыночком. Я в такое не верю. Могут ведь и запереть слабоумного в клетку.

Поэтому... нужно валить. Разобраться во всем, а уже потом принимать решение, что делать дальше.

Я оглядываюсь по сторонам.

Коридоры. Много коридоров и массивных дверей. За ними гул голосов. Много закрытых окон. Я заглядываю в одно.

Странно. Я ожидал увидеть поселение или город, но вместо него передо мной лес. Густой, с высокими деревьями. Интересное расположение у этой, как ее, школы.

Я не иду в лазарет вслед за Ёршиком и девкой. Сворачиваю, как только замечаю лестницу вниз. Парочка провожает меня взглядом, но не окликает. Наоборот, ускоряют шаг. Будто в облегчении, что я не нахожусь за их спинами.

Спускаюсь на первый этаж— здесь обстановка похуже. Даже краска со стен облуплена. Подхожу к окну. Не вижу ни намека на то, как его открыть. Ни ручек, ни щеколд. Морщусь. Через главный вход я точно не пойду. В этих коридорах его можно искать вечно, да и велика вероятность, что его охраняют.

Оглядываюсь в поисках чего-нибудь тяжелого. Ничего. Коридоры пусты. Хотя... портрет седого старца на стене висит в увесистой рамке. Уверен, что это какой-то местный авторитет, на которого мне, как минимум, плевать. Снимаю картину с гвоздя. Ого, и правда тяжелая. Или я такой слабак.

Вдребезги разбиваю окно и выпрыгиваю, чуть не ободрав руки об осколки. Это тело даже равновесие не держит.

Бегу. Быстро, как только позволяют эти ноги.

Лес я знаю. Лесом меня не удивить. В отличие от школ с подростками.

Я буквально падаю, задыхаясь от отдышки. Просто не могу поверить, что это тело выдохлось так быстро. У меня ощущение, что я сейчас выблюю собственную печень. Раньше я мог пробежать три дня без еды и отдыха, а сейчас пять минут? Как это существо вообще жило?

Сажусь под дерево, достаю штуку под названием телефон. Верчу его в руке. Тыкаюсь в кнопки. Пальцы помнят больше, чем голова, это я уже понял. Дисплей загорается. Впечатляет. Не знаю, кто изобрел эту штуку, но он должен быть как минимуму архимагиусом второго круга.

Так, и что я ищу? Зачем мне это? Почему мне вообще кажется, что эта штука мне сможет сейчас помочь? Ладно, пойдем простым путем – путем инстинктов прежнего носителя этого тела.

Разобраться в телефоне труда не составляет. Я просто доверяюсь своим порывам и нажимаю на нужные картинки. Да и неизвестную письменность я, почему-то, понимаю.

Телефон вибрирует. На дисплее высвечивается «Мама».

Хм, ответить или нет? Взвесив все «за» и «против», я решаю, что интереснее будет ответить:

– Да.

– Константинчик, боже мой. Ты где? Все в порядке? Я тебе обзвонилась!

– Всё в порядке.

Пауза.

Хм, вот об этом я и говорил. Прямо кожей чувствую, как она напрягается. Моя манера разговора отличается от привычной ей с первых же слов.

Мама начинает говорить шепотом:

– Сынок, если рядом хулиганы, скажи «мама, не переживай».

Еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Какой же я был тряпкой?

– Хулиганов нет. Правда, все в... к-хм... порядке.

– Т... точно? Но ты же звонил мне недавно...

– Все обошлось. Мне не нужна помощь... мама.

Голос мамы становится взволнованней:

– Я выезжаю за тобой. Только отпрошусь с работы...

– Я же сказал, не надо. Ты плохо слышишь?

Пауза.

– Я просто переживаю. Почему ты на меня злишься? Что у тебя случилось?

Хотя, может она мне пригодится? Повсюду лес и я пока без понятия куда идти. А этот человек не поверит мне в последнюю очередь. Слышал, что некоторые знатные родители фана-

тично относятся к опеке детей. Похоже, я нарвался именно на такую маму. Возможно, с ней даже прокатит амнезия.

«Прокатит». Откуда в моих мыслях такие слова?

– Ладно, приезжай. Но в школу не заходи, ладно? Позвони мне, и я выйду. Договорились?

– Ч... что... ну ладно. Меня же все равно не пустят на территорию. Буду ждать тебя у КПП. Как всегда.

А вот и первые просчеты из-за незнания.

Пауза. И взволнованный до предела голос мамы:

– Все же хорошо, Константинчик?

– Все отлично.

– Ой, подожди, у меня вторая линия. Ой, твой директор звонит. Подожди, сынок!

Абонент поставил вызов на удержание

Я смотрю на дисплей телефона. Сбрасываю вызов.

Откидываюсь, скрещиваю руки на груди.

Усмехаюсь. Так вот значит, как выглядит ад.

Смотрю наверх. На небо, сквозь кроны высоких деревьев.

– Неплохо ты придумал, говнюк. Неплохо.

Повтыкав немного в небесную синеву, я вспоминаю, что не сильно верующий и снова беру телефон. Больше удивляет, что я с лёгкостью захожу в «браузер», чем тому, что знаю это слово. Вижу поисковую строку, нажимаю на «Карты», присвистываю.

Оказывается, вокруг меня целые километры лесов. Вижу одну единственную дорогу до школы.

Уменьшаю масштаб карты. Глаза не лезут на лоб только усилием воли. Лес заканчивается полосой ограждения.

Ну и что это за школа-то такая? Изолированная от всего мира. Ого, сколько за пределами стены застроек. Это что, город? Такой огромный? Ни одно из названий поселений мне не знакомо. Обращаю внимание, что карта местами закрашена оттенками цветов. Красными, зелеными, желтыми...

Телефон снова вибрирует. На этот раз звонок от неизвестного номера. Сбрасываю вызов. Хватит мне разговоров. И так уже «мать родная» подозревает.

Застопориваюсь на поисковой строке. Набираю «где я?».

Результат удивляет.

Прорываюсь через картинки котиков и пошлых ответов на вопрос «где я?»... Ага, вот вижу точку на карте со своим местоположением. Ясно-понятно. Точнее, нихрена не понятно. То, что я нахожусь в лесу и так ясно. Ладно, пока не столь важно, как называется этот мир. Вряд ли первым делом у меня будут интересоваться именно этим.

Набираю «Новая Эра».

Тыкаю на ссылку сайта школы.

«Школа Новая Эра Российского Кластера (ШНРРК) – общекоалиционная школа суммы для неодаренных. Привилегированное зачисление аристократов, выделенные помещения для коалиций, лучший состав педагогов, индивидуальные занятия с уклоном в выбранное направление суммы. Наш девиз: каждый найдет себя.

Мы гордимся, что каждый сотый выпускник поступает на обучение в институты высшего порядка. Отдайте своё чадо в Школу Новая Эра Российского Кластера (ШНРРК). Постройте для него светлое будущее. Вместе с нами».

Приписка мелким почерком: «ежегодные квоты для малоимущих».

С главной страницы на меня смотрит девица лет двадцати. Длинные голубые волосы, острые черты лица будто вырезаны из мрамора. Глубокое декольте хвастается пышными формами. Торчащие через ткань соски провоцируют смотреть ей не в большие голубые глаза. Она

улыбается пухлыми губами так надменно, что у меня невольно дергается длинное фантомное ухо.

Снова звонит неизвестный номер. Сбрасываю.

Надпись над фото гласит: «Медиокриса Эйлин Эйнкин, выпускница школы Новая Эра, Староста класса в Академии Высшего Порядка Стейнвилль Европейского Кластера; Сложнейшее направление суммы: предметное, тип: газообразное. Второе направление суммы: разум, тип: хитрость, подтип: правда».

Ниже жирными буквами: «смогла она, сможет и ваш ребенок».

Замечаю в углу страницы эмблему школы и ее название. Пентаграмма Пенроуза. Выглядит как самозакрученная звезда с гранями разных цветов. Захожу, сажусь, закидываю ногу на ногу.

Хм...

Какая еще сумма? Что предметное, какое газообразное? Какие еще типы «хитрость» и подтипы «правда»?

Российский и Европейский кластеры?

Институты высшего порядка?

Изучать мир мне не позволяют. Уж не знаю как, но меня обнаружили. Десятки голосов, хруст веток и даже лай собак.

Медленно встаю, кладу телефон в карман.

А вот то, что тут так серьезно, я не ожидал.

Будто охоту объявили...

Похоже, Школа не просто так огорожена забором и находится в лесных дебрях.

Глава 2

Имитация слабости

Надламываю веточку, сую в рот.

Итак, у меня не более минуты. Бежать? Только в этом дрищавом теле я от собак далеко не убегу. Драться? Ну-ну. Единственный вариант – позволить себя поймать. Потом будет допрос. Попытки-то я вытерплю, но что потом?

Хотя... по тому, что я уже успел понять, вряд ли меня будут пытаться. Есть другая проблема. Мне будут задавать вопросы. И скорее всего такие, на которые я не смогу ответить. И что тогда? Повяжут и отправят в лечебницу для умалишенных? Звучит правдоподобно. Сейчас я и сам не уверен в нормальности своего рассудка. Очутился хер знает где. Любой адекватный человек засомневается в себе.

Ладно, все это пустые мысли. Буду импровизировать и прикидываться тем, кем меня хотят видеть. До момента, когда это станет невозможным. А там посмотрим...

Перекусываю палочку. Выплюываю, беру другую. Зубы есть, может получится перегрызть пару глоток.

Встаю, отряхиваюсь, направляюсь обратно к школе. Надеюсь, я не ошибся и меня не убьют.

Хм, странно. Мне казалось, преследователи ближе. Я точно слышал их неподалеку. Но сейчас понимаю, что это не так.

Люди приближаются. Я стараюсь держаться в тени. Мы сталкиваемся с ними чуть ли не лбами. Да и то, это собаки унюхали меня.

Черных стражей школы много. Порядка двух десятков. Все вооружены огнестрельным оружием. Так, вроде, называются эти... штуки.

Вздергиваю бровь. Многовато отправили для одного задохлика.

– Стоять на месте! Константин Киба, поднимите руки, медленно, чтобы мы их видели!

Усмехаюсь, со смаком выплевываю палочку, поднимая руки:

– Пожалуйста, не стреляйте! – кричу я из всех сил, стараясь прикинуться испуганным подростком.

Почему-то такой подход кажется наиболее правдоподобным. После той стычки в туалете, я сделал вывод, что тут обитают одни ссыкунишки с переполненным штанишками.

Ко мне подходят трое. Ведут себя так, будто я смертоносный убийца, а не трясущийся шкет. Худощавый охранник осторожно приближается:

– Не дергайся.

На моих запястьях щелкают наручники.

Очень тяжело держать себя в руках и не съязвить. Ах, твою ж... Хватит улыбаться. Дерьмовая привычка лыбиться в неприятных ситуациях. Беру лицо под контроль, закусываю губу. Жаль, всплакнуть не получается.

К школе меня сопровождают целым конвоем. Серьезная тут охрана. Вот только что и кого они охраняют? Школу или от школы? И как меня все-таки так быстро выследили? Собаками?

Большая часть стражей ушла, остались трое сопровождающих. Мы обходим школу, заходим через черный вход. Суэта в здании затихла, но уши улавливают отдаленный гомон. Похоже, большинство обитателей школы вышли через парадный вход. Или их вывели.

Мы идем по коридорам. Поднимаемся на пятый этаж. Здесь обстановка дорогая. Мозаика на стенах, картины, вычурные вазы с растительностью. Золото и серебро переплетаются в интерьере. Подходим к кабинету с табличкой «Заместитель Директора по воспитательной

деятельности». Я бы присвистнул от ажурности двери. Такие причудливые врезки мог сделать только настоящий мастер по дереву.

Охранник стучится:

– Георгий Александрович. Мы нашли его.

– Входите.

Как я и думал, тут обстановка не менее богатая. Огромный стол по центру блестит позолотой, старинным часам на стене несколько сотен лет, не меньше. Картины маслом с какими-то чванливыми говнорями.

– Вы свободны. Спасибо, – махнул заместитель директора, не отрываясь от странной раскладной книги с кнопками. Надо же, я думал тут обитает как минимум мудрый старец в золотой кольчуге. Но нет. Мужчина лет под тридцать с строгим костюме аристократа. Худой, как щепка, чуть ли не кости просвечивают. А волосы длинные. Бедолага не нашел денег на цирюльника. То есть на парикмахера. Вроде так тут они называются.

Наручники с меня так и не сняли.

– Присаживайся, – указывает на дорогой стул Георгий какой-то там. Ну и имена. – Сергей, ты свободен. Спасибо.

Сажусь. Ну что ж, посмотрим, что мне скажут.

Прикидываться пугливым я утомился. Натягиваю на лицо свой привычный образ безразличного до всего первого хранителя храма Шэйлы.

Этот пёс соблаговолит вообще посмотреть на меня? Или тыкаться в кнопки настолько важнее? А, ну конечно. Давит на меня морально. Сейчас я должен испугаться от тягостного ожидания своего наказания.

Наконец, он отлепляется от своих важных дел, откидывается на кресле, постукивая пальцами по подлокотнику.

– Тебе крышу снесло, Константин, м?

В какой-то мере, да. Снесло. И кто бы мне объяснил, почему так произошло.

Молчу. Подумав секунду, решаю опустить глаза.

– Драка. Побег. Но... – заместитель директор щурится. – Я не уверен, что правильно понял, но, похоже, ты скормил экскременты старосте третьего этажа. Это правда?

– Почти.

Пауза.

– «Почти», говоришь? Понятно. Давай я объясню, почему этот проступок критичнее остальных. Анастасия Чермная – дочь Марка Чермного из клана Истала, нашего не самого последнего спонсора. Могу даже сказать, что это их школа.

Очень хочется спросить «понравился ли даме деликатес?», но лишь заставляю себя хлопнуть носом:

– Я защищался.

– Издеваешься? У тебя только разбита бровь. А у избитых тобой учеников нос ушел в череп и горло разорвано унитажным ершиком.

– Хорошо защищался.

Георгий фыркает:

– С каких пор ты стал таким бойцом, а? Я успел о тебе почитать всякого. Ты один из десятки по годовой квоте для малоимущих. Сумма в тебе не пробудилась даже на третьем этаже. Объем сосуда весьма посредственный. И знаешь, что я тебе скажу, – ухмыляется замдиректор. – На моей практике, если такие как ты не выдерживают обучения и начинают вытворять подобное, то это психушка. Ты сошел с ума, Константин?

Опять эта «сумма». Еще и «сосуд» какой-то.

Этот Георгий начинает меня раздражать, но я умею играть разные роли. Однажды, я притворился грязным попрошайкой и ковырялся в стоках, выискивая в дерьме объедки. Так что

притворяться ссыкуном, которым меня тут привыкли видеть, не составляет труда. Сомневаюсь, что если я сейчас включу крутого, то из этого выйдет какой-то прок. Но молчать и согласно кивать я точно не собираюсь:

– А что вы сделаете с теми, кто опрокинет вам на голову корзину с мусором, пока вы испражняетесь?

Только сейчас замечаю, что в новом языке есть «ты» и «вы». Очень неудобно. Не очень понятно, когда нужно использовать то или другое. Для меня все тут «ты». Без лишнего выпендрежа. Но, на всякий случай, я решил подстраховаться. И не прогадал. Похоже Георгию больше нравится, когда ему «выкают».

Заместитель директор по исправительной деятельности непонимаем:

– Я бы сделал то же, что и ты. Или даже хуже. Но ты мне таких вопросов не задавай, Константин. Я все еще могу... усложнить твоё пребывание здесь.

Да-да, конечно.

– Не сомневаюсь. Ну. Так как меня накажут?

– А ты хочешь, чтобы тебя наказали?

Да мне плевать. Судя по диалогу, пытать меня не собираются. И даже не запрут в подземелье. Так что хорошо играть в эти игры желания больше нет.

– Нет. Кто в здравом уме хочет, чтобы его наказали? Может я просто пойду?

– Это вряд ли. На избитых до полусмерти убогих мне, честно говоря, плевать, – Георгий подается вперед, опирается подбородком на руки. – Но побег и... – уголок его рта слегка приподнимается. – кормежка наших спонсоров экскрементами неприемлема. Ты же умный парень, должен понимать, как отразится на школе потеря их доверия. Правильно, деньгами. Интересно, а если бы она была аристократкой, ты бы повторил этот трюк?

Я пожимаю плечами.

– Понятно. Что ж, а теперь о твоём наказании. Не буду скрывать, оно будет показательным. Исключить тебя мы не можем, но... Во-первых, ты будешь ходить к школьному психологу в течение месяца. По средам. Я должен убедиться, что наш тихоня не превратился в маньяка. Во-вторых, я вычитываю у тебя... хм... девяносто процентов очков влияния.

Это еще что такое? Спрашивать, конечно, не стану.

– Это, как ты понимаешь, опустит тебя на первый этаж. Придется начать обучение с самого начала и пройти все процедуры тестирования. Мы не любим прибегать к такому наказанию. Переобучение ученика – дорогое удовольствие для школы. Но сейчас у меня нет выбора. Наказание должно быть строжайшим.

– Выбор есть всегда.

– Пожалуйста, не перебивай. Так вот. Как ты знаешь, мы не приверженцы строго графика и проводим обучение сразу после набора группы. И у нас недавно набралась такая. Так что мне повезло – не пришлось долго думать о твоём наказании. С понедельника они начнут занятия. И ты должен понимать, что если я этого не сделаю, то мы рискуем лишиться больших денег. Авторитет школы и ее спонсоров непоколебим, и мы этого никогда не скрывали. В-третьих, месяц отработки. После занятий будешь драить боевой зал.

И на кой мне все это? Совершенно не понимаю, почему я должен играть по каким-то странным правилам. Проще свалить из этой школы и постараться во всем разобраться. Но может я что-то не понимаю... Решаю рискнуть:

– Может просто отчислите меня?

Георгий шурится. Вот ведь... слизь подземная! Подозревает что-то?

– Хм... похоже тебе и правда не помешает психолог. В каком смысле отчислить? Из нашей школы не отчисляют за такое. Особенно малоимущих. Если ты зачислен, то выйдешь только с дипломом специалиста суммы. Ну или мертвым, – на последних словах он улыбается, и я не могу понять шутка это или он серьезно. – Так что не говори ерунды.

Я вздыхаю, тоже откидываюсь на кресле:

– Я не буду исполнять наказание с отработкой. На остальное согласен.

Глаз зама директора слегка дергается:

– Думаешь у тебя есть выбор?

– Конечно. Я просто не буду на нее ходить. Я защищался, и вы уже опустили меня на самое дно. И этого мало вашим... спонсорам? Надо чтобы я чистил маты, как прислужка? Нет. И это мое последнее слово. Кстати, заместитель директора, позвольте?

Я тяну руку к стаканчику с зубочистками с мятными наконечниками на столе. Посмотрим, насколько высокомерен этот... заместитель директора. Или как там его.

– Валяй, – на удивление спокойно машет он рукой.

Я беру зубочистку, сую в рот. Приятные мятные нотки скользят по языку.

Всем телом чувствую, с каким интересом меня рассматривает заместитель директора. И, похоже, он спокоен, как хайдынский лев после кормежки. Мысленно ставлю ему пометку «адекватный».

Он цокает языком:

– Хорошо. Можешь без отработки, но больше не наглей. Я могу рассчитывать, что остальное ты выполнишь без... нашего вмешательства?

– Можете.

– Какая радость. Вот и отлично. Сергей, заberi его! Отведи к остановке! Константин, жду тебя в понедельник. Группа «тринадцать-б». Я выпущу приказ и внесу тебя в список студентов. И да, в твоей группе будет аристократка. Надеюсь, ничего ей не скормишь.

Я не отвечаю и не задаю вопросов.

Пыхтение Сергея за дверью затихает. Он заходит, кивает заместителю директору, берет меня под локоть и ведет, как преступника, вдоль пустых коридоров. Спускаюсь по лестнице, замечаю, как меняется интерьер этажей. Чем ниже, тем скромнее обстановка. Из того, что я понял, карьерная лестница в школе воспринимается буквально. И чем выше ты по этой лестнице, тем лучше. А еще какие-то очки влияния. Что это еще такое? Местная валюта? Нужно срочно уткнуться в телефон и узнать об этом как можно больше.

Сергей – плешивый мужчина лет под сорок – вздыхает:

– Зря ты так, Константин. Снова на первый этаж... Эх, я помню, как там тяжело.

Он машет рукой:

– Лучше и не вспоминать.

– Наручники с меняними.

– Неними, а «снимите», – суровеет Сергей. – Ты мне в сынки годишься. Совсем что ли? В аристократы заделался?

Я пожимаю плечами. Вот ведь распушился павлин. Знал бы он в кого годится мне. Но наручники с меня он все же снял.

– Мне все равно на аристократов, – потираю я слабые и затекшие запястья.

Сергей хмурится, но возмущаться перестает:

– А надо бы. В эту школу, конечно, сильно знатные не пойдут. Будь они хоть десять раз неодаренными. Но все равно! – повышает он голос. – Связываться с ними себе дороже – не забывай этого!

Оглядываюсь. Парадная тут, конечно, шикарная. Вон гардероб, какие-то шкафы с кнопками. Похоже, для продажи еды или... чего-то еще. Рассмотреть не успеваю, но там точно за стеклом виднеется что-то, кроме еды. Три охранника в черном у роскошных врат провожают нас холодными взглядами.

Мы выходим, и я морщусь. Шум и гомон во дворе неприятно бьет по ушам.

Несколько сотен учеников смотрят на нас:

– Расступитесь, – гаркает Сергей, проталкиваясь через людей. – Ну чего смотрите? Скоро занятия начнутся.

А меня значит от этих занятий освободили? Ясно-понятно. Но это к лучшему.

Я быстро осматриваю толпу.

Все разные и разобщенные. Основная масса – подростки от пятнадцати до двадцати лет, не более. Одеты в такую же форму, как и я – белые рубахи и джинсы. Но некоторые группы учеников отличаются – они стоят на отдалении друг от друга с такими лицами, словно все вокруг дерьмо, а они пахнут гладиолусами.

Прежде чем утонуть в толпе, с крыльца замечаю группу учеников в ядовито-желтых смокингах и прическами, словно у каждого есть свой личный цирюльник. Не нужно быть сильно умным, чтобы предположить, что это местная элита. Аристократия?

Замечаю и других, не менее странных.

Детей. Да-да, это точно самые настоящие дети. И каждому на вид не больше десяти лет. Их окружают взрослые дамы в красных, как кровь платьях. Настоящие вампириши, как на подбор. Грудастые, стройные, с сочными бедрами и мраморными лицами. В их взгляде не читается отвращения к окружающим. Наоборот, они разглядывают всех, как матери. Мол, бедные детки.

Прорываемся через толпу, отходим. Народу вокруг становится чуть меньше, я шепчу:

– Дети?

– Согласен, – тихо отвечает Сергей. – Не понимаю, как правительство позволяет такое... Это же издевательство над малолетними. Чертовы омары.

– Омары? – рискую я спросить.

Сергей смотрит на меня с прищуром:

– Да-да, прошу прощения. Вырвалось. Конечно же, это уважаемый клан Амарэ. Любители детей. Все, пойдем.

Проходим мимо группы узкоглазых в каких-то платьях. Они стоят в отдалении от остальных, не обращают ни на кого внимания и тихо переговариваются.

Уйти мы не успеваем:

– Это из-за него мы пропустили разминку? Ей, Серёг! Что это за дрищ?

Оборачиваемся. Из группы мощных и высоких парней в спортивной форме выходит настоящий великан, протискивается сквозь толпу, грубо распахивая подростков. Девушка падает, но тот даже не смотрит на нее.

Сергей морщится:

– Для тебя я Сергей Вениаминович, понял?! И не твое дело что и почему происходит в школе.

– Понял-понял, – машет руками великан под два метра ростом. – Слышь, шкет, ты че сделал-то? Из-за тебя мы тренировку прервали.

Я останавливаюсь. Сергей резко замирает, косится на меня с тревогой.

– Ты это мне? – спрашиваю я.

– Молчи, дурак, – шипит Сергей. – Тебе проблем мало?

Равнодушно грызу зубочистку:

– Ну ладно, промолчу.

Толпа затихает.

– Погодь, Серёг... эээ... Вениминыч. Парень что-то спросить хочет. Так что ты сказал?

Великан приближается. Вблизи он кажется еще больше. Сергей встает между мной и им:

– Отойди. Или мне вызвать стражей?

– А вы что, Серёг Вениаминыч, его папа? Не припомню, чтобы тут впрягались за каждого дрища. А у него у самого что, язык в мокрошели застрял?

Группа качков ржет. «Омары» с детьми отходят в сторону, отвлекая своих детишек от конфликта. Узкоглазые перестают перешептываться, «желтые пиджачки» ухмыляются, раздра-

женно посматривая то на меня, то на великана. «Белые рубашечки» ведут себя по-разному. Кто-то спешит ретироваться, кто-то с любопытством наблюдает за происходящим, а кто-то и вовсе громко переговаривается о назревающем веселье.

Здесь слишком много народу. А мне никогда не нравилась толпа.

Сергей кладет ладонь на грудь напирającego бугая, на голову выше его и настолько же толще. Хотя выглядит старше лет на двадцать. Ого.

– Последнее предупреждение, Клоуш. Не борзей в мое дежурство.

Великан с кривым носом, монокровью и шрамом на щеке добродушно улыбается:

– Да я просто спросить хотел, че произошло. Вы че такой злой Сер Виныч?

Я хмыкаю, спокойно говорю:

– Сергей Вениаминович, спасите-помогите. Дядька большой, а я хрупкий, маленький.

Нужно играть задохлика, каким я и являюсь. Правда не всегда получается. Вот и сейчас. Издевательская интонация меня выдает. Плохо. Похоже, разучился я этому мастерству за десять лет в звании Первого Хранителя Храма Шэйлы. Расслабился...

– Я не понял, – шурится великан. – Ты сейчас что-то крякнул?

Закатываю глаза. Ну начинается.

Ладно, я предупреждал.

Или нет?

От автора: возможно, вас заинтересует аудиоверсия серии "Константин Киба":
<https://author.today/audiobook/261644>

Глава 3

Сила бывает разной...

Сергей выговаривает Клоушу сквозь зубы:

– Хватит я сказал.

Не знаю почему, но комичность ситуации доставляет. Огромный и сильный мужик компенсирует размер своего члена самым простым средством: повышением чувства своего величия за счет очевидно более слабого и тощего. В моем мире его бы высмеяли и понизили до шута в таверне. В Варгоне сильный может выразиться только за счет тех, кто сильнее его. И никак иначе.

Чтобы едкая улыбка не бесила идиота, я выплевываю зубочистку, кладу на лицо ладонь, раздвигая пальцы. Нельзя терять из вида противника.

Та-а-ак, над собой и правда следует поработать. Очевидно, что это просто глупая ситуация, а я не могу сдержать улыбку? И, похоже, ладонь не сильно скрывает этот оскал.

– СерВиныч, а он ведь троллит меня... Вам так не кажется, а?

Не знаю, что такое «троллит», но сегодня я точно проиграл. Был застигнут врасплох очевидной и самой простецкой провокацией. Мой бывший учитель отправил бы меня за это в бараки – на переподготовку по контролю за телом.

Хм, а вообще странно, что у меня не получается себя контролировать. Похоже, новое тело влияет на меня сильнее, чем я думал. А еще оно немного подростковое. А это значит...

Я раздвигаю пальцы шире, сгибаю голову в бок, смотрю за спину великану. Там стоит девушка, похожая на фею. Лет семнадцати-восемнадцати. Синие волосы до самой попы, обтянутые спортивными легинсами сочные ляжки, легкий топик, живот с четырьмя кубиками пресса на тончайшей талии. Приятная родинка рядом с пупком. Глаза хищные, большие. Улыбка милая, но обманчивая. Неплохо. В этом мире женщины наращивают мускулатуру

– Ты куда уставился? – закипает великан.

Не отвечаю, прислушиваюсь к своему организму. Хочу ли я секса? Хм. Ну вроде и не против, но подросткового безумия на сиськи не наблюдаю. Ну и отлично. А то боялся, что молодой организм будет бросаться на каждую женскую задницу и думать другой головой. Знаю это дело, проходил.

– Ты ублюдок, отвечай! – плюется великан. – Ты на мою Яру смотришь, сучий дрищёнок?!

– Стоять! – орет Сергей, навалившись на великана всем телом.

Я глубоко вздыхаю, усилием воли заставляя засунуть свою улыбку обратно в себя. Вроде получилось. Убираю ладонь с лица, сую руку в карман джинсов.

Другой рукой опираюсь в спину Сергея:

– Держите его Сергей Вениаминович. Очевидно, что он не в себе. Накачался и теперь хочет раздавить дрища, доказывая всем, что между ног тоже накачено. Я таких боюсь у-у-у-у...

Кто-то в толпе засмеялся. А великан разъярился еще сильнее. Слышу Сергея:

– Главный вход! Нападение на стража!

Это он кому сказал?

Великан под именем Клоуш краснеет и белеет одновременно, но его тянет за рукав спортивная подружка. Вроде успокаивается:

– Я ни на кого не нападаю, СерВиныч. Извиняюсь. Всё, – поднимает руки, отступает на шаг, не отрывая от меня ненавистного взгляда.

Станный. Неуравновешенный. И это меня отправляют к психологам?

Трое стражей в черных жилетах и с пистолетами в руках появились в считанные секунды. Они замирают как изваяния, выискивая источники неприятностей. Сергей тяжело дышит, дает им знак, что все нормально.

Клоуш тычет в меня своей сосиской:

– Ты! В понедельник договорим.

Я прыскаю, довожу этим Клоуша до состояния каленого железа. Отчетливо слышу скрежет зубами. Подумав немного, спрашиваю:

– И что ты сделаешь? Изобьешь меня? Ты себя в зеркало видел? Огромный такой. А я, – развожу руки. – Спичка. Переломлюсь от твоего первого удара.

Это, конечно, вряд ли. Но рисковать не хочу. Ни один мой прием не сработает в этом дохлом теле. Невозможно двигаться быстро, если не разработаны мышцы ног. Невозможно бить сильно, если суставы того и грозятся разойтись. А еще одной мусорной корзины может и не подвернуться.

Чувствую на себе сотни взглядов. Продолжаю:

– Думаешь произвести впечатление? Девочка твоя скажет, какой ты мужик? Ты вроде там крутой какой-то? Что твой папа скажет? Что сынок накачал в голове мышцы, вместо серого вещества и доказывает всем, что он опаснее того, кто в два раза меньше его?

Хм, а у меня всегда была такая манера общения? Странно. Видимо, я изменился чуть больше, чем казалось изначально.

– Сучий белячок...

Даже Сергей перестает на меня шипеть, выпучивает глаза. Я достаю стиренную зубочистку, сую в рот. Заместитель директор не заметил, как я ухватил с его стола не одну, а сразу две мятные ковырялки. Ловкость рук и ничего более. Задумчиво грызу, наслаждаясь мгновением тишины. Только пыхтение сотен носов. Ну да ладно. Смотрю на Клоуша. Его дергает за рукав Яра, но тот этого не замечает, смотрит пожирающими вселенную глазами.

– Ну чего уставился? Я тебе сразу говорю, что ты меня побьешь. И заранее сдаюсь, молю тебя о пощаде и всё такое. Так что ты доказывать мне собрался, а? Что ты сильнее? Или что у тебя член больше? Эй ты, – смотрю на Яру. – Ты считаешь хер Клоуша больше моего, если он изобьет меня до полусмерти? Или ты уже не раз видела его издевательства над слабаками, но стручок как был маленький, так и остался?

Теперь я точно уверен, что в моей манере что-то изменилось. Жаргон, слова, вывороты смысла. Это из-за того, что я говорю на другом языке? В принципе, неплохо. Но нужно этот момент контролировать.

Теперь смешков становится больше, но вид разъярённого великана быстро затыкает весельчаков. Только желтые пиджачки продолжают скалиться.

Яра не отвечает. Но от моего взгляда не ускользает еле заметная улыбка.

Судя по звуку, великан уже стер зубы в порошок и сейчас трется деснами, доставляя себя особое наслаждение. Он пытается взять себя в руки и успокоиться, но постоянные смешки мешают. Он открывает рот и говорит:

– Я не буду тебя бить. Ты прав. Слабаки меня не интересуют. Но я... я...

Я вытаскиваю зубочистку, осматриваю. Мятный наконечник рассосался.

Еле сдерживаюсь, чтобы не передразнить придурка. Бедолага, запнулся, не знает, что дальше сказать. Как я и думал, мозгов у него как, у земляного червяка. Попался на такую дешевую провокацию. Но главное, что своего я добился. Без кулаков. Пока что.

... – я тебя научу трепаться, сука!

Рано радуюсь.

В одно мгновение мои уши улавливают стальной звук напрягающихся мускулов Клоуша. Великан подается вперед, не замечая напирającego Сергея и спешащих на подмогу стражей.

Взмах!

Слишком быстро! Хотя я и слышу надвигающуюся опасность, мои мышцы слишком долго оживают. Максимум что получится...

Крепко сжимаю зубочистку в зубах, разворачиваю голову в сторону удара, расслабляю мышцы шеи.

Шлепок ладонью по лицу чувствительный, но он больше отталкивает, чем бьет. При полном расслаблении мышц в организме можно избежать множества травм.

Охрана бросается на великана, на удивление ловко закручивает ему руки за спину. Жаль, я уж надеялся, что они его пристрелят.

– И не смей зазнаваться, сопляк! – ревет великан, отбрыкиваясь от стражей.

Я улыбаюсь, медленно выпрямляю закинутую за спину голову. Какое же дрянное тело. Если бы удар был чуть сильнее и не ладонью, то связки бы не выдержали.

– Кло, твоя рука! – зажимает рот Яра.

Народ охает. Впечатлительные какие.

Великан смотрит на девушку, на свою ладонь...

Зубочистка проткнула мягкие ткани насквозь. Кровь лениво стекает по пальцам.

Глаза Клоуша расширяются, сквозь сжатые губы просачивается слюна:

– Гни-и-и-ида! – ревет он, но охрана знает свое дело – вырваться не получается.

– Так ты же сам, – спокойно потираю я шею.

– Ты это специально! Сучара драная! Да отпустите вы!

Клоуш перестает бесноваться после того, как Сергей орет на него и тянется за оружием. В памяти всплывают образы... из какой-то игры? Не понимаю, какой еще игры... Но зато теперь ясно, что это пистолет Макарова. Да, точно. Так вроде эта штука называется.

– Все, харэ! Я понял, – шипит он.

Охранники отпускают его, но далеко не отходят.

Клоуш хватается за зубочистку, дергает и... стонет, как девка.

Слышатся неуверенные смешки. Краем глаза замечаю, что это глумятся все те же парни в желтом. Остальным смелости не хватает подтрунивать великана.

Я сдерживаю улыбку. Сразу после удара, я слегка повел зубами, переламывая зубочистку пополам. Вытащить ее будет чуток сложнее, чем кажется.

– Живо! – толкает меня Сергей. – Ну! Пошли! Вы, – тыкает пальцем на охрану, – разберитесь тут. Отведите этого в лазарет! А вы что встали?! Занятия сейчас начнутся! Все живо в школу! Клоуш, а ты успокойся! Сейчас приду, поговорим...

Сергей тянет меня, а я и не сопротивляюсь.

Пока уходим быстрым шагом, чувствую на себе множество взглядов. Над каждым моим движением наблюдают. Шепчутся. Сплетничают. Им что, заняться нечем? Все же уже закончилось. Чего уставились?

Вздыхаю от утери своей драгоценности. Оборачиваюсь:

– Ни у кого нет зубочистки? Только мятной? Нет? Ну ладно. Сергей Вениаминович, мне так страшно. Этот большой парень чуть не убил меня. Давайте быстрее уйдем, прошу вас. Помогите-спасите, все дела.

Снова редкие смешки. У многих хватает мозгов уловить сарказм в моих словах.

Не успеваем мы отойти, как кто-то кричит в спину:

– Эй, парень! У меня есть! Держи...

* * *

Сергей доводит меня до остановки. И что радует – больше не достает нотациями. Просто странно смотрит:

– Закажу тебе проезд. Жди.

И уходит. Наверное, нянчится с великаном.

Гомон учеников постепенно замолкает. Они возвращаются в школу. Я сажусь на лавку и... зеваю.

Ну и денек. Я должен был проснуться в своей роскошной комнате подземелья Храма Шейлы и заняться своими ужасными и одновременно прекрасными повседневными делами.

Но вместо этого я очнулся на толкане, зная кучу странных вещей и слов, избил троих, как последний бандит, скормил дерьмо путане и поставил на место сопляка-переростка. Не совсем обычный мой будний день.

Смотрю на наручные часы:

14 октября 2022 года.

16:37

Откидываюсь на спинку лавки, закидываю руки за голову, закрываю глаза. Звуки леса мне нравятся намного больше, чем орущие толпы. Тут всегда хорошо. Птицы, насекомые, листва. А нахожусь я именно в лесу. Остановка, дорога и лес вокруг. Ну и зубочистка в зубах. Высокий парень со стильной прической в желтом пиджаке дал мне целую пачку этих прекрасных штук со словами «неплохо, друг». И что тут неплохого вообще? Хрень какая-то дешевая. Игра на публику.

Итак, сегодня пятница. До понедельника два дня, чтобы во всем разобраться. Если я, конечно, решу вернуться. Пока не вижу в этом никакого смысла.

Вытаскиваю смартфон из кармана, открываю браузер и... дисплей тухнет. Безрезультатно тыкаю по кнопкам. В голове мелькает мысль, что он разрядился. Не уверен, как это работает, но да ладно. Дома разберусь. А то, что меня довезут до дома, я не сомневаюсь.

Черная маршрутка подъезжает, автоматические двери открываются. Водителя не видно. Он спрятался в запечатанной кабине. На дверях эмблема школы. На сайте школе ее описывали, как Пентаграмма Пенроуза.

Захожу, сажусь, закидываю ногу на ногу.

Машина трогается. Смотрю в окно. Деревьями меня не удивишь, но через десять минут мы проезжаем через КПП. Огромные автоматизированные ворота из стали распахиваются. Успеваю оценить высоту и толщину забора. Все-таки я чего-то не понимаю. Почему эта школа так охраняется? Боятся, что детки разбегутся? Или на деток набегут?

По пути разглядываю город, с трудом сдерживаю ритм сердца. Этот мир в корне отличается от моего. Дома настолько высокие, что я не вижу их крыш. Разноцветные огни, шум машин, вонючий воздух пробивал чувствительный нюх даже в салоне. В моей голове мелькают слова «машина», «электричество», «светофор», «пробка». Но все это мешается в одну бессмысленную кашу. Слишком много поступающих знаний.

Я морщусь от городской вони. Как они могут здесь жить? Это невыносимо. А эти звуки? Сирены, шум, скрежет, людской гомон.

Мое внимание привлекает массивное здание хм... в восточном стиле? Оно выглядит очень чужим меж двух невзрачных высоток. Словно должно находиться в центре города, но хочет от него спрятаться. Вычурная черепичная крыша, забор огораживает небольшой оазис – вижу кроны неизвестных деревьев.

Присматриваюсь. Замечаю вывеску на воротах и символику перекрещенных мечей. Написано «Азиатское Содружество». Сами ворота охраняют узкоглазые в мешковатых одеждах и с двумя мечами на поясах – длинным и коротким. Они очень худые. Первый раз вижу, чтобы люди выглядели, как обтянутые кожей скелеты. Не самый надежный выбор охранников. Хм, а ведь таких же ускоглазых я видел в толпе учеников. Только те были потолще.

Даже из машины слышу, как за воротами журчит вода и плеск рыбы в пруду. Хоть уши у меня маленькие, слух остался острым. Это радует, но добавляет вопросов. Как в этом недоразвитом теле прижились мои прошлые чувства? И почему нет остального? Например, чув-

ства эфира или развитой мускулатуры? Острые слух и нюх – это, конечно, хорошо, но, раз уж я попал черт знает куда, то не отказался бы от какого-нибудь более весомого преимущества перед остальными.

Хмыкаю про себя. Вряд ли существует такая удача. Многие бы хотели попасть в неизвестный мир с силой, делающей тебя особенным перед остальными. Однажды я дошел в одиночку до племени Акне-Ляот на Самийских вершинах. Они были очень удивлены моим умениям манипулировать эфиром. До такой степени, что на следующий день стали поклоняться мне, как какому-то пророку.

До конца пути я смотрю в окно, стараясь запомнить все, что вижу. Это непросто. Глаза устают от ярких красок, уши болят от городской суеты. Да сколько же здесь этих машин? Уже полчаса мы стоим на месте. Зачем надо разъезжать в огромных колесницах, если пешком быстрее? Не понимаю.

Наконец-то мы подъезжаем к дому. Девятиэтажный, разваливающийся, с облупленной желтовато-блеванной краской. Грязный двор, потрепанные и явно дешевые машины. Деревья больше похожи на уродство, чем на дар природы.

Дверь открывается, и я выхожу. Жду сопровождения, но школьная машина просто уезжает. Провожая ее взглядом. И всё? Я свободен?

Пожимаю плечами и-и-и-и...

Куда дальше?

Полагаю, этот дом – мой дом. Вот только в нем немудрено заблудиться. И все-таки странно. Я живу в такой огромной и одновременно разваливающейся бандуре? Не проще все это продать и купить домик получше, но поменьше.

Из дома выходит первый, второй, третий... десятый. Столько же зашло.

Понятно. Вопрос закрыт. Это общинный дом. И я... тут живу.

Итак. Главный вопрос. А зачем мне жить по законам прошлой жизни этого тела? Может начать все с нуля?

Пожалуй, нет. Слишком мало я разобрался в местных устоях. А в своем доме мне многое простительно. Кто там у меня? Мать? Отец? Жена? Или я слишком молод?

Щупаю себя между ног. Агрегат мощный для такого тельца, на детский не похож. Мимо проходит бабка, смеряет меня уничижительным взглядом:

– Извращенец.

– Надеюсь, нет.

Проглотив ошметки зубочистки, я решаюсь. Для начала нужно понять, где я живу в этом огромном захолустье. Шарюсь по карманам. Очередной раз убеждаюсь, что ничего, кроме ключей у меня нет.

Подхожу к крыльцу, вижу надписи:

Подъезд № 5

Квартиры: 211-250

Тяну за ручку двери. Не открывается. Осматриваю дверь. А это что за кнопки? Набираю три случайные цифры, слышу:

– Кто?

– Хотел бы я знать.

Тыкаю во все подряд. Сбрасываю вызов. Различаю надпись:

Домофон зав. № 3442

Домофон значит? Да, точно. Так он называется. Похоже, не все знания этого тела мне доступны с ходу.

Дверь открывается, выходит пузатый мужик с мешком мусора. Подозрительно на меня глазеет, но я проскакиваю в подъезд.

Отлично. Задание выполнено, магистр. Я проник на территорию врага.

Осматриваюсь. Облупленные стены, затхлый запах. Какая-то дверь, рядом кнопки. Вверху табло с цифрами... Уменьшаются...

3... 2... 1...

На всякий случай прячусь в углу. Из комнаты метр на метр выходит дама с большой кошкой или крысой на поводке. Ого, гавкает. Это мелкое уродство – собака?

– Тише, Пуфик, тише.

Женщина глядит на меня, недовольно поджимает губы. Перед тем как скрыться из вида, шепчет:

– Обоссали весь подъезд.

Хмыкаю. Зачем вообще ссать в подъездах?

Осматриваю стены, вижу сотни маленьких ящичков с цифрами. На каждом замочная скважина. Достаяю из кармана ключи. Проверяю каждый.

С тридцать седьмой попытки дверца под номером «233» открывается.

Сопоставить цифры труда не составляет. Получается, я живу в какой-то там квартире под номером двести тридцать три.

Второй этап выполнен, магистр.

Нехитрыми манипуляциями с «поднимающейся комнатой» определяю, что живу на шестом этаже. Нахожу свою берлогу, проверяю ключ. Подходит. Слышу, что за дверью кто-то стоит. Открываю дверь и...

– Константин! – кричит женщина лет сорока.

Высокая, длинноволосая блондинка, лицо строгое, но привлекательное. Немного морщинок. Кидается обниматься. Пахнет парфюмом. Слишком сильно пахнет.

Полагаю, это и есть моя мать. Или жена?

– Господи, ты почему не отвечал на телефон?! Я уже обзвонилась! С работы отпросилась! Пришлось и в школу звонить! Мне сказали, что ты уже едешь домой и тебя... тебя... понизили за драку?! Боже, Константинчик, что случилось?!

Да не кричи ты, женщина. Так, придется вспомнить уроки актерского мастерства.

– Телефон разрядился, – говорю я, уткнувшись носом в сочную грудь.

Мама отрывает меня от себя, осматривает:

– Боже ты мой! Что у тебя с лицом?!

Медленно и незаметно выдыхаю. Нужно говорить кратко, чтобы не вызвать подозрений:

– Подрался.

– Не может быть. Я вообще не поверила Георгию Александровичу. Он сказал, что ты кого-то избил. Ерунда какая-то. Тебя побили, Константинчик? Пойдем, я обработаю рану... ох...

Хм. Ну пусть так. Похоже, это больше вписывается в ее представление меня.

– Немного. Не надо обрабатывать. Все уже прошло.

– Божечки... опять... А если у тебя сотрясение?! Я вызову врача.

– Меня уже осмотрели в школе, – вру я. – Сказали, что царапина.

– Ничего себе царапина! Да ты весь распух! Но ладно, раз так сказали...

Мама суетится:

– Я подогрею чая. Все мне расскажи, хорошо, сынок?

Паникерша уходит на кухню, а я снимаю ветровку, инстинктивно хочу скинуть сумку с плеча. С интересом замираю, нащупав пустоту – свои вещи я оставил в школе. А мое новое тело помнит об этом лучше, чем я.

Осматриваю свое жилище.

Негусто.

Мерзкие и приторные рисунки на стенах. Что это? Бумагу наклеили прямо на стену? Шкаф для одежды обшарпан, дверка скрипит так же противно, как и пол.

Снимаю обувь, кладу на стойку. Замечаю, что тут четыре размера обуви. Женская – больших размеров. Это матери. Есть мужская, но меньше, чем у меня. И снова женская, но совсем мелкая. Интересно.

Иду за матерью. Мд-а, трапезная не сильно отличается от прихожей. Здесь явно требуется обновка. Всего.

Сажусь за стол, жду, когда мама подаст трапезу.

Кружка с травяным настоем и... круглые хлебцы? Похоже сегодня я останусь голодным.

– Сейчас пельмени отварю. Ну? – подсаживается мама. – Рассказывай.

Ну что ж. Была ни была. Стараюсь говорить, как можно более нейтрально. Не выражать никаких лишних эмоций. Иначе вряд ли попаду в характер бывшего носителя этого тела. Пока говорю, мама напряженно меня рассматривает.

Это плохо. Меня уже подозревают?

Ладно, это ожидаемо. Но в конце концов, мало ли какой у меня стресс от пережитого ужаса.

Историю я немного изменяю. Но в целом рассказываю, что меня побили, хотя я сопротивлялся. А потом засранцы поскользнулись на моих слезах и разбили себе нос. Моя история должна быть схожей с историей директора. По-любому, он ей все рассказал.

– Понятно... значит они издевались над тобой и сами же ударились, свалив все на тебя?

– Ну да, – киваю, отхлебывая чаек. – Как-то так.

– Сволочи буржуйские, – бубнит мама и озабоченно осматривает меня. – Болит?

– Нет. Мне повезло, наверное.

– Повезло, да? – еще сильнее напрягается мама. – Ты уверен, что с тобой все хорошо? Может все-таки скорую вызвать? Давай я тебя осмотрю.

– Да все хорошо. Честно.

Я отхлёбываю из кружки. Мало ли что на моем лице читается, так хоть за кружкой спрячусь. Кстати, хлебцы весьма неплохи для своего внешнего вида. Удивлен.

Недолгая пауза.

– Ладно. Это, конечно, хорошо... Но, может... хочешь поплакать?

Еле удерживаю чай во рту. Что? Серьезно? Поплакать? В Варгоне в этом возрасте я уже убивал и точно пережил одну пытку инквизиторов. И не помню, чтобы плакал хоть раз. Орал, да. Но не плакал.

Заставляю себя улыбнуться:

– Да что-то не хочется.

– Хм... ну ладно... Хочешь может... что-нибудь? Кстати, тебя правда понизили до первого этажа?

Да хватит ты на меня так смотреть, женщина.

– Да.

Женщина бледнее, стареет лет на десять:

– Ну... ничего. Мы это переживем. Лишние два года. Мы справимся. Я договорилась с начальством. Мне разрешили подрабатывать еще по воскресеньям. Главное, что ты цел.

Поразительная семья. Получается, я живу за счет этой леди? Странно, что предыдущий хозяин этого тела не повесился от стыда.

– Я бы отдохнул... мам.

– А, да-да, конечно.

Мама подсказывает, хватает меня под руку, словно я калека.

– Пойдем, мой сладкий.

Первый раз в этом мире тошнота подступила к горлу. Я – сладкий? Серьезно?

Мама чуть ли не за ручку отводит меня в комнату с ковром на стене и плакатами какого-то мужчины с татуировками по всему телу. Он кривляется, высунул язык. Написано «Морген-

штерн». И почему эти картины здесь висят? Что приятного в созерцании мужиков? Особенно таких. Ладно бы красивая женщина.

Быстро осматриваюсь. Два шкафа, два стола. Двухъярусная кровать. Все пошарпанное. Куча разбросанной одежды. И даже трусы с носками. За одним из столов сидит мальчишка лет пятнадцати. Курносый, тощий, в грязных обтягивающих штанах и майке, немного ускоглазый. Рядом с ним три тарелки и пять кружек.

– Марк! – возмущается мама, усаживая меня в кровать. – Сколько тебе еще раз сказать убратся в комнате?

– Мам, я в данже, выйди!

Мальчишка с выпученными глазами пялится в коробку с движущей картинкой и лупит пальцами по доске с кнопками. Это что? Как телефон, но только большой? Так, думай... думай... Компьютер!

Мама вздыхает, смотрит на меня:

– Отдыхай, мой сладенький.

– Отфай мофь слафенький... – бубнит мальчишка, передразнивая маму.

– Перестань, Марк! Это не смешно! Твоего брата побили, между прочим!

Не отрываясь от компа, «брат» хмыкает:

– Опять?

– Это твой брат, Марк. Пожалуйста, поддерживайте друг друга. Ваш отец учил вас сплоченности. Вы – семья.

– Да-да, конечно. Отца больше нет. Мам, я же сказал выйти. Отвали, а! – чуть ли не визжит мальчишка.

Мама будто постарела еще лет на десять, вздыхает, хочет выйти, но...

Замахиваюсь.

Бам!

Смачный подзатыльник впечатывает братца в монитор.

– Извинись, сопляк, – спокойно улыбаюсь я.

Достаю из кармана зубочистку, сую в рот.

Глава 4

Переобучение

Брат размазывает слюни о монитор. Вскрикивает с места, опрокидывая стул.

– Ма-а-ам, ты видела?! Ах ты придурок!

Он встает в странную позу. Ноги ставит в раскоряку, поднимает кулаки.

Удивительно. Вместо того, чтобы напасть, он показывает мне, что готов драться.

– Перестаньте! – встает мама между нами. – Константин, что на тебя нашло? Ты чего?

Боже мой... Он же твой брат!

Из-за спины матери раздается визг:

– Не брат он мне! Получил квоту и думает крутым стал! Говнарь сраный!

Какой же поганый рот у этого сопляка. Смотрю на мать:

– Он живет за твой счет, есть твою еду, – киваю на объедки на столе. – Но разговаривает, как с дворовой собакой.

– Константин!

– Урод, ты на себя посмотри! Ты идиот? Крышей йопнул?! Башку тебе отбили?! Мало били, гнида! Лучше бы ты сдох!

– Марк! – чуть ли не плачет мать.

Мне становится жаль эту женщину. Если я был таким же как этот братец, то участь ее незавидная. Особенно, если нет отца, научившего бы непутевых детишек уму-разуму. Но, в любом случае, я не очень хочу ввязываться в мелкие дразги. Будет глупо тратить много времени на семейные разборки «братиков и сестренки».

Но и терпеть неблагодарных недомерков рядом с собой я не собираюсь. Надо поставить его на место – раз и навсегда.

– Мам, он чокнулся! Его надо сдать в психушку! – истекает желчью братик.

Вытаскиваю зубочистку, улыбаюсь. Итак, избивать его глупо. Магистр говорил, что первыми силу используют лишь слабые. Если есть иные средства – используй их.

Обхожу мать, она заслоняет собой Марка, они вдвоем пятятся в сторону.

– Только не деритесь, умоляю.

– Я и не собираюсь, – смотрю на заляпанный стол. Ого, эту кружку сколько лет не мыли? Такое ощущение, что ее содержимое за мной очень внимательно наблюдает и знает обо мне больше всех.

Брат орет:

– Конечно, не собираешься! Ты всегда был ссыклищем!

Ага, при этом за маменькиным подолом прячется он.

Беру в руки странную дощечку с кнопками.

– Не лапай, сука!

– Хватит, Марк! Константин, положи клавиатуру.

Со словом «клавиатура», в голову вламываются чужие воспоминания.

«Клавиатура»

«Системный блок»

«Наушники»

«Данж»

Оказывается, эти слова мне знакомы лучше всего остального.

Смотрю на монитор. Какие-то существа быют огромного демона. Пускают в него... что это? Эфир?

«Компьютерная игра»

Читаю в чате: «танк лагает! Сук, где танк?!»

– Это же ВоВ-Два, да? – спрашиваю я.

– Ой, debil, – не унимается братец.

Нажимаю на ескейп. Смотрю на «персонажа» – зеленого огромного существа.

– Ты че делаешь, слышь?

Поворачиваю голову на братишку:

– Извинись.

– Пошел нахер!

Нажимаю на «Удалить персонажа». Выскакивает окошко «Вы уверены? Да/Нет»

Ор Марка до боли бьет по перепонкам. Он отталкивает маму в сторону, изо рта брызжет слюна:

– Не смей, сука! Не смей!

– Извинись, – пожимаю плечами.

Нечленораздельный мат и угрозы убеждают меня в неисправимости мальчишки.

Нажимаю «Да».

* * *

Что ж. Брат мне достался крайне неуравновешенный. После длительной истерики он получил еще несколько оплеух и ушел из дома. Не первый раз – по словам матери. Отсидится у друга, пока тот не скажет, что кормить его больше нечем, и вернется домой с извинениями. А потом по новой. Задротство до шести утра, прогулы школы – не такой как Новая Эра, а совершенно обычной, где учат арифметике и иностранным языкам. Оказывается, квоту в школе неодаренных получил только я, три года назад. За что брат затаил на меня страшную обиду.

Я уделил матери немного своего драгоценного времени и обсудил дальнейшие взаимоотношения. Если не брать в расчет ее постоянные вопросы о том, что же со мной произошло, из-за чего я так изменился, то все прошло благополучно. Я пообещал ей, что возьмусь за воспитание брата вместо отца. Она посмотрела на меня как-то странно, но кивнула. На этом и закончили.

Разумеется, я совершенно не уверен, что останусь в этой семейке. Но пока здесь удобно. Есть крыша над головой, компьютер для изучения мира. Это все что мне нужно на данный момент.

Я отправился в комнату, засел за компьютер, перебарывая странное внутреннее желание нажать на иконку World of Warcraft II.

14 октября 2022 года,

20:17

Я сижу за компьютером и изучаю мир, пока мама сидит на кухне, заливая горе чаем с какой-то настойкой.

– Константин! – кричит мама из кухни. – Кушать будешь?!

– Нет, благодарю!

Итак, начнем:

Набираю: наш мир.

На удивление, третья ссылка – то, что надо. Целая база знаний о некой планете Земля.

Внимательно изучаю. Информации очень много. История мира очень сложная и долгая. Эпохи, развитие человечества и бла-бла-бла. Ничего нового. Войны, конфликты, страны и... а вот это интересно.

Вторая мировая война. Немецкие оккупанты захватили всю Европу, а в 1941 году напали на СССР. Война длилась три года и, казалось бы, подходила к концу победой СССР, но...

На Землю упал метеорит. Его назвали Куйбышевским метеоритом. И вокруг этой трагедии много интересных теорий. Никто не знает, откуда он взялся. Некоторые считают, что он должен был упасть раньше, в 1908 году где-то в Енисейской Губернии Российской Империи. Приводят какие-то сводки, доказательства. Но он почему-то опоздал и свалился на тридцать шесть лет позже. Прямо на резервную столицу СССР – Куйбышев, где в этот момент находилось правительство Советского Союза.

После этого события преимущество в войне перешло на сторону оккупантов.

И вот именно в этот момент и явилась Сумма.

Сила, неведомая человечеству.

По всему миру стали появляться одаренные, способные общаться с предметами, варить зелья из, казалось бы, нелогичных и немислимых компонентов, усиливающих организм в десятки, а то и сотни раз. Ученые всего мира пожимали плечами. Они не могли понять, как материя стального клинка полностью меняла свою структуру, а зелье из тертых тараканов повышало интеллект, а не вызывало острую диарею. И это лишь малая часть всех разновидностей новых человеческих возможностей. Все аспекты суммы не изучены до сих пор.

Немцы остановили наступление на Советский Союз. Потому что чем дальше к востоку они продвигались, тем отчаяннее с ними боролись солдаты СССР. В новых реалиях они уже не могли контролировать порядок в своих рядах. Против Гитлера постоянно совершались покушения, одно из которых оказался успешным. Хотя никто до сих пор не знает, застрелился ли он сам из «Вальтера ПП», или его убили. Но то, что на останках Гитлера обнаружили следы суммы – бесспорный факт.

После смерти Гитлера в 1955 году мир засуетился. Да так, что чуть не развалился на части.

«Эпоха Новой Смуты» – так называли десять лет с 1956 по 1965. Земля не могла справиться с суммой – неведомой силой. По всему миру появлялись одаренные. Наделенные невероятной силой они пользовались ей как попало. Они уничтожали целые кварталы из-за обид в школе или несправедливости начальства. В ход пошло самое страшное оружие – атомное. Против группы одаренных, возомнивших себя мессиями, могли использовать «Царь Бомбу». Это оставляло на планете неизлечимые раны. Сейчас треть мира – радиоактивная пустошь со своей экосистемой, и что там сейчас происходит никому неизвестно.

Смуту окончили пятеро. Никто не знает откуда они появились, но они были столь же стары, сколько могущественны. Пятеро стариков назвали себя «гармонией» и среди хаоса и анархии организовали государство Единое.

Именно они сделали мир таким, какой он сейчас есть. Единым. Под властью пяти вечно конкурирующих за право «вето» кланов. Только одни из них может быть главенствующим. И только в нем есть аристократы.

Я откидываюсь на стуле, смотрю на время:

03:13

Что-то я совсем засиделся. А ведь узнал только малую часть. Ладно, посмотрю последнее и спать:

Набираю «Сумма»

И... вижу одну арифметику. Статей о сумме, как «магии» практически нет. Пришлось поковыряться, чтобы понять в чем дело.

Оказывается, со статьями и блогами о «Сумме» борются всеми силами мирового правительства. Все пять кланов категорически против любого распространения информации о ней в Интернете.

Ищу дальше.

Ага, понятно.

Значит при рождении все люди в мире проходят тестирование на одаренность суммой. И есть три категории людей. Первая. Лишенные. Вторая: Неодаренные. Третья: Одаренные.

На первых всем плевать. Обычное пушечное мясо и живая сила. Чуть ли не на правах рабов. Таких в мире большая часть. Вторые чуть лучше, и прав у них больше. Но неодаренных немного – всего один из тысячи. И их держат под строгим контролем, заставляя каждый год тестироваться на возможное пробуждение суммы. Для таких даже есть школы – для увеличения вероятности стать одаренным. Такая, как Новая Эра.

А вот третьи – одаренные. Это элита в золотой клетке, рождаемые с врожденным даром крайне редко. Они под постоянным контролем кланов и в обязательном порядке обучаются в школах высшего порядка. Считается, что одаренные суммой с рождения – самые сильные.

Отлипаю от монитора, в глазах уже рябит от обилия букв. Информация рекой льется в мозг, заставляя его работать без передыха.

Играю зубочисткой, ловко перекидывая ее между пальцами.

Получается, что в эту школу мне нужно вернуться. Дар Суммы во мне не пробудится без их помощи. А это показатель власти в этом мире. Да и обучиться самостоятельно не получится. Информации очень мало.

Заходит уставшая мать. После ухода брата она еще даже не прилегла:

– Константин, ты еще не спишь?

– Нет.

– Не играй долго.

Поднимаю бровь.

Она заглядывает в монитор, смотрит на меня, опять на монитор:

– А что ты делаешь?

– Учусь.

– У... учишься? Ну... ну ладно. Решил пойти по стопам сестры? – слегка улыбается.

Я смотрю на нее без эмоций, не отвечаю.

– Ну ладно, спокойной ночи.

Киваю:

– Спокойной.

Смотрю на монитор, думаю...

Сестра, значит? Так вот чью обувь я видел в прихожей. Как я понял, сейчас она у бабки. И судя по всему, босая. Как-то с трудом верится, что живущие в такой квартире могут позволить себе десяток пар. В Варгоне это очень дорогое удовольствие.

В общем, сестру отправили в область, где подготовительные курсы стоят намного дешевле. Последняя надежда семьи. Пусть и неодаренная, но она может стать... каким-нибудь главным клерком или менеджером по продажам.

Теперь понятно, почему Новая Эра так огорожена. Школа хранит свои секреты и не допустит к ним никого лишнего. Она принадлежит славянскому клану Истал. Одному из пяти самых влиятельных кланов.

Так, ладно. Пора спать. Уставшая голова хуже вялых мышц. Так говорил магистр.

* * *

Я сплю на спине и с одеждой. Открываю глаза, смотрю на наручные часы.

Суббота

11:23

Серьезно? Проспал больше семи часов?

Раньше мне хватало двух-трех часов в день.

Поднимаю пятерню – рассматриваю. Это тело ничтожно. И нужно срочно им заняться.

Встаю.

Разминаюсь – приседаю, отжимаюсь, растягиваю связки. Через пять минут появляется одышка, в боках колет.

Да как так-то? Похоже это тело в своей короткой жизни ни разу не занималось физическими нагрузками.

Собираю весь мусор со столов, запихиваю в рюкзак брата и кладу ему на кровать. Сажусь за комп и...

Шкворчание топленого масла на сковородке...

Запах лука и картошки...

В животе забулькало...

– Константин, почисти зубы и иди кушать!

Хм. Ну что ж. Придется принять, что эта мама – клушка. Опекает своих цыплят-перостков, хотя они давно уже полноценные мужчины.

Молчаливо перекусив со вздыхающей матерью, я попросил у нее запастись яйцами, творогом, любой рыбой, нежирным мясом – желателно птицы. Для начала хватит. Подчеркнул, что вскоре рассчитаюсь за еду. Мать поудивлялась моим запросам, скептически на меня посмотрела, пощупала температуру, но все же пообещала сходить в магазин.

Хорошая женщина.

И как я и говорил, дома мне многое простительно.

До вечера я сидел у себя. Не всю информацию я считывал из головы прежнего носителя. Поэтому приходилось изучать словари, карты, научные статьи, новости и электронные энциклопедии.

Каждые полчаса занимался легкими силовыми упражнениями, доводя тело до предела своих нынешних возможностей. Под вечер мышцы раскалывались. Руки стали ватными, но тяжелыми. Затолкав в себя стакан молока, три яйца и куриную грудку с горстью грецких орехов, я подождал, когда организм усвоит все это и через три часа умственного штурма интернета лег спать. На этот раз пораньше.

На следующее утро еле встал с кровати, но уже не в полдень, а в семь утра. Довольно улыбнулся. Десятки и десятки лет я не чувствовал такой девственной боли от натренированных мышц. Но больше нагружаться нельзя. Организм должен отдохнуть, проснуться.

Сегодня я готовился к завтрашнему обучению. То, что я там отучусь – уже решено. Сумма мне нужна. И я получу ее во что бы то ни стало. А уже потом решу – стоит ли мне продолжать тратить время или пойти своим путем.

Проблема в том, что я еще не выбрал свой путь. Всю свою жизнь я стремился к силе, стал первым хранителем храма, умел манипулировать эфиром на уровне архимагиуса. Казалось, что моя жизнь остановилась – у меня было всё, что надо. Власть, деньги, женщины. Я добился всего.

Но что-то случилось.

И теперь я здесь...

И нужно начинать с нуля.

Кто бы не был в ответе за все это – он сам ответит. Я обязательно докопаюсь до истины. Не может Альв без причины попасть в мир обычных людей и стать одним из них – слабым, немощным, нищим.

И да, я мстительный. Считаю, что месть сделали недостатком те, кто не умеет или боится мстить. А я считаю глупостью не отвечать на наглость и оскорбления. Конечно, если полезешь на рожон, то только выставишь себя дураком. Но на свете есть более мучительные и изощренные методы, чем махание кулаками и словесные оскорбления.

Проблема в том, что я совершенно ничего не знаю о школе Новая Эра. Три года обучения пропали из моей головы. А школьную сумку я оставил и теперь не могу ознакомиться с

материалами обучения. Дома ничего нет. Как я понял, из школы можно забрать далеко не все. Даже домашних заданий нет.

И вот наступает утро понедельника.

Мы с мамой стоим у подъезда дома.

Смотрю на наручные часы:

Время 06:40.

Школьный автобус приезжает в семь. Мама переминается с ноги на ногу. Она одета в строгий черный пиджак с белой блузкой и черными колготками. Высокие каблуки, волосы в пучке. Ничего не скажешь – очень красивая женщина. Возможно, я и займусь с ней сексом.

В голову стучит предупреждающий колокольчик. Что? В это мире не спят со своими матерями? Но почему? Станные тут порядки. Ладно, неважно.

– Сынок, ты уверен, что все будет хорошо? Хочешь, я позвоню учителю Кайну? Он же дружил с твоим отцом. Уверен, что сможет тебя защи...

– Все хорошо, – грызу зубочистку. – Не переживай.

– Точно?

– Точно.

Смотрит на меня взволнованно.

– Мам, ты можешь идти. Ждать я могу один.

– Но ты же всегда хотел, чтобы я с тобой постояла...

Во имя Шэйлы, давно меня еще не раздражали так, как бывший носитель этого тела. Как оказалось, мне даже не семнадцать. А целых девятнадцать. И это позор. Чистый. Концентрированный позор. Перед самим собой.

Я убеждаю мать, что помощь няньки мне не нужна, как можно культурнее. Вроде получается. Она целует меня в лоб и быстрым шагом уходит к своей машине. Еще пять минут смотрит из окна – не случится ли со мной чего страшного, но перекрестившись, уезжает на своем стареньком красном Пежо 307.

Брат за выходные так и не появился, хотя ему сегодня тоже в школу. Телефон он отключил, поэтому мать все выходные изводила себя и почти не спала. А сегодня уехала с мешками под глазами. Насколько я понял, эту неделю она будет работать без выходных.

Выплываю в урну зубочистку, вставляю между зубами свежую.

Черная школьная маршрутка подъезжает в 06:57. В салоне никого нет, и мы едем по знакомому уже маршруту. Странно, я думал, что мы заедем еще за кем-нибудь, но похоже, что для каждого ученика используется отдельный транспорт. Очень непрактично.

Проезжаем через ворота, густые леса и вот она – школа для неодаренных Новая Эра. При свете дня рассмотреть ее легче. Огромная, судя по всему, в виде буквы «Н», в центре высится настоящая башня с девятиэтажную.

У парадного входа множество цветов и деревьев. Несмотря на то, что сейчас осень – здесь довольно тепло, клумбы и не думают желтеть и гибнуть. Сам интерьер школы сильно отличается от всего, что я видел в городе. Кажется, что здесь есть все от каждой культуры мира. Цвета, резки, стили. Но сочетается это все очень гармонично.

Машина встает в очередь из таких же черных маршруток. Минут через пять меня высаживают на остановке.

Вдыхаю лесной воздух, сую руки в карманы, оглядываюсь:

Суета, суета, суета.

Люди, люди, люди.

Лучше происходящее не описать.

Мимо проходит парень в спортивной форме и сильно задевает меня плечом.

Вздергиваю бровь.

Серьезно?

Вот прямо так сразу? Опять?
Интересное начало первого дня обучения.

Глава 5

Сумма власти

Равнодушно смотрю на бугая с длинными волосами. Судя по форме, он дружок того великана.

– Ты бы аккуратнее себя вел. Широта что ли давит? – оборачивается он.

Рассматриваю идиота. Ничего примечательного. Кроме тройного подбородка.

Резко хватаюсь за плечо, шиплю...

– Ох, ты похоже сломал мне плечо. Что теперь скажут люди?! Что Клоуш отправил избить меня своих дружков?

Все больше и больше глаз смотрят на нас, а ушей слушают.

Трехподбородковый играет желваками, его хлопает по плечу черноволосый друг.

– Пойдём, Вадим, а то провоняешь, – презрительно осматривает меня с ног до головы.

Придурки быстрым шагом скрываются в толпе.

Выпрямляюсь, сую руки в карман, достаю зубочистку.

Замечательно. Клоуш стал моей проблемой, но я защищаюсь его именем. Удобно.

Смотрю на часы:

17 октября 2022 г.

07:49

Занятия начинаются в восемь, а я даже не знаю куда идти. Моя группа «тринадцать-б», верно?

К чему сложности? Проще надо жить.

– Эй! – кричу я и поднимаю руку. – Есть тут кто из группы тринадцать-б?!

Как я и думал. Всем плевать. Ну разве что пара смешков и кривых взглядов. Но мне тоже плевать. Это куда проще, чем бродить по коридорам и тыкаться носом.

– Констюха! – подходит ко мне худощавый, сутулый блондин с густыми черными бровями. – Ты чего орешь? Дурак что ли?

Молчу. Жду что парень скажет дальше.

– Ну и устроил же ты в пятницу, пипец. Я чуть в штаны не отложил, когда узнал, что ты сделал. Твоих избил? Ты стебешься что ли? Рассказывай, что было на самом деле. Я тебе звонил и писал все выходные. Ты почему не отвечал?

– Времени не было. И всё так и было. Рассказывать особо нечего.

И кто это такой? Мой друг? Плохо дело. Вот таких встреч я бы избегал. Парень скептически меня осматривает:

– Так и знал. Твои мозги обработали.

– По-любому.

И ржет.

– Короче, ты, говорят, опущен до первого? Это правда?

– Правда, – киваю.

– Дааа, беда ваше. Ну значит я спор выиграл. Первым диплом получу. Готовь пять косарей. Лан, пойдем глянем, что у тебя там за расписание... Самому интересно. Блин, жалко, конечно.

Мальчишка разговаривает дёргано, постоянно оглядывается. Он хочет казаться шире, чем есть на самом деле, но сутулость протестует.

Я шагаю следом за парнем, мы заходим в главный вход, проходим через металло- и суммо- детекторы. После двухдневного интенсивного штудирования интернета, я стал лучше разбираться в местных технологиях.

Шкала на суммодетекторе мигнула напротив единички из десяти баллов.

Оборачиваюсь. Голубоглазая рыжая красотка в кимоно проходит после меня. Шкала мигает на шестерке. Смотрит на меня с высокомерием.

– Пойдем, Констюх, не пялся ты на нее так, – паникует он. – Тебе проблем мало? Твою мать, спортухи. Прячься.

Трусишка юркает за торговые автоматы, шипит на меня. Я остаюсь стоять на месте, грызу зубочистку с руками в карманах. С любопытством осматривают тройку «спортух». Это что, название клана? Понятно, что они накаченные, но это не повод выделяться из толпы.

Парни встречаются со мной взглядом, шуряются, но ничего не говорят, проходят мимо.

– Ты чертов псих, – выходит блондинчик. – Из-за тебя и мне накастыляют.

– Я тебя рядом с собой не держу, – провожаю я взглядом спортух.

– Э? Ты бы поаккуратнее с такими словами. Можно и обидеться...

Смотрю на парня.

– Я не хочу тебя... кхм... обижать. Просто не хочу бояться, понимаешь?

– Нихера не понимаю. О, глянь-ка ты... вон твоя группа.

Парень тычет пальцем на большой монитор на стене.

Но я не смотрю в ту сторону. Мое внимание привлекают торговые автоматы. Как я и думал, тут продают не только еду. Мало того, конкретно в этих бронированных автоматах их вообще не продают.

– Огнестрел, – тихо говорю я.

– А? Ну да, клевые пушки. Тока они нам нафиг не нужны.

Хм, и ведь даже не попросишь.

Передо мной стоит автомат по продаже огнестрельного оружие. Полки подписаны:

Пистолеты XV–XIX веков;

Дуэльное оружие;

Самозарядные пистолеты;

Я мало успел изучить огнестрелы этого мира. Не думал, что в школе эти знания пригодятся. Но теперь жалею о своем решении. Передо мной десяток разновидностей пистолетов.

И все что я могу понять, это то, что вот это однозарядная и старая конструкция. Тяжелая. Похоже тут надо делать все вручную, чтобы выстрелить один раз. Хм, и это точно не оружие трёхсотлетней давности. Просто очень качественная копия. А вот эти пистолеты уже современные. Вижу даже Макаров, как у стражей. Вот только цена у него... 7300 ОВ.

А у самого драного пистоля с колесным замком (так написано в описании) цена всего 70 ОВ.

Вижу пометки о группах сложности использования.

Старые пистолеты использовать легко. Среди них есть дешевые, а есть дорогие. Расценки от 70 ОВ до 1500 ОВ.

Потом идет дуэльное. От 1700 ОВ до 5000 ОВ.

Самая крутизна – современный огнестрел начинающийся с 6000 ОВ и заканчивающийся 15000 ОВ за пистолет под названием Beretta 92.

Автоматического оружия нет.

Я смотрю на другие автоматы. В одном битком набито холодным оружием: от обычных кинжалов до одноручных моргенштернов. В другом автомате склянки и колбочки с жидкостью разных цветов. Подхожу ближе, чтобы изучить, но мне мешает блондин.

– Все, я пошел. Вон твоё расписание. Давай встретимся после пары. Расскажешь все. Лан, давай...

И убегает, старательно огибая стайки девочек и учеников в одеждах, отличающихся от наших – белых рубашечек и джинсов.

Смотрю на время:

07:56

И правда. Нужно торопиться. Быстро смотрю на монитор с расписанием, нахожу группу «Тринадцать-Б». Ага, вижу. Понедельник. 8:00–14:00 «История и основы сумматики», первый этаж, каб. 117, Преподаватель: Элеонора Штейн.

Больше не теряю времени, прохожу вычурный и ухоженный вестибюль, захожу в обшарпанный коридор. Интересно. Я словно в иной мир попадаю. Ощущение, что ветхость этого крыла сделали специально. Мол смотрите, здесь учатся первоэтажники – неудачники и лохи.

Нахожу кабинет 117, захожу.

Два десятка глаз смотрят на меня. Кто-то сразу отводит взгляд и принимается заниматься своими делами, кто-то оценивает, кто-то ухмыляется.

Перемещаю зубочистку во рту вправо, также оцениваю окружающих.

Все понятно. Группа только сформировалась, а уже понятно кто и откуда. Беляки – простолудины в такой же форме, как и я, да чуток элиты с лицами в стиле «как же я вляпался в это дерьмо».

Вся прелесть школы в том, что первый этаж должен пройти каждый – от аристократа до сапожников. Вот только аристократы обычно делали это за пару недель. А сапожники отучались весь год. И пока я не понял, из-за чего так происходит.

Ко мне подходит девушка: кудрявенькая, рыженькая, курносенькая, на грани стройности, но чуть-чуть пухленькая. Зато попа шикарная. Ниже меня на голову. Одетая в красный строгий пиджак. Ясно, значит тоже какая-то шишка.

– Привет, я Лика. Староста группы. Записываю всех. Тебя как зовут? – спрашивает она, борясь с эмоциями.

Все же смотрят. Оценивают.

– Константин.

Лика пробегает глазами по списку.

– Ага, вижу. Константин Киба? Фамилия японская?

Киваю:

– Отец японец. Мать русская.

– Понятно. На уроке запрещено ковыряться в зубах.

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза.

– Без проблем, – вытаскиваю зубочистку, щелчком отправляю ее в урну.

– Так, всем сесть на свои места.

В класс заходит женщина. Она так обтянулась белой кожей в стиле «Черной Вдовы» (популярную фильмографию я тоже успел мельком изучить), что добрая мужская половина класса раскрывает рты. Седые волосы до плеч контрастируют с молодым лицом. Дерзкая, но красивая. Весомый штрих – указка в руке, больше похожая на оружие убийства, нежели обучения.

В общем, затыкаются все. Кто-то даже дышать перестает. Я сажусь на свое место, оглядываю столы окружающих. Замечательно – без сумки только я.

– Меня зовут Элеонора. Можете звать меня мисс Элеонора или учитель. Назовете как-то по-другому, и я расстроюсь, – улыбается.

Да так, что все прекрасно понимают, что под «расстроюсь» не имеется в виду женская обида. Скорее мужские слезы тех, кто посмеет ее расстроить.

– Это ваше первое занятие. Ну или не для всех первое.

Несколько человек смотрят на меня.

– Смотреть на меня, когда я говорю, – улыбается Элеонора. – И записывать, когда я говорю. Поднимите руки, кто понял эти две простые истины?

Все поднимают. Ну и я, разумеется.

– В течение года мы будем изучать с вами основы сумматики. Я расскажу вам то, чего вы не расскажете никому. Да, это общеизвестные знания, но подача материала у каждой школы своя. Если мы узнаем, что вы записали урок на свои телефончики, вынесли из школы конспекты или просто пересказываете мои слова маме, то немедленно отстраним вас от учебы и заведем уголовное дело по статье двести восемьдесят три «Разглашение государственной тайны».

Староста поднимает руку. Элеонора кивает:

– Спрашивай. И да, меня можно перебивать только поднятой рукой. Но не факт, что мне будет на вас не наплевать.

Лика встает:

– Вы сказали – гостайна. Но о какой гостайне вы говорите, если у нас... ну... учатся иностранцы.

Лика краем глаза смотрит на узкоглазых на задних партах.

– Иностранные ученики не имеют права покидать российский кластер после обучения. Они остаются в своих кварталах до конца своих дней. И так устроены все школы по всему миру. Разумеется, мы понимаем, что «за бугор» информация, простите, сливается. Но стойкость обучения компенсирует этот маленький недостаток. Они знают, что мы одни из лучших. И просто зная, как отварить картошку, не сделают отличного пюре. И да, до пятого этажа магистратуры допускаются только граждане российского кластера и аристократы.

– Понятно... я поняла...

– Садись. А теперь к теме вопроса. История и основы сумматики – это детский сад. Даже объяснять не хочу.

Женщина кидает указку, разворачивается и уходит...

Класс затихает. Даже я вздергиваю бровь в удивлении.

Женщина опять разворачивается, поднимает указку.

– Шутка. Будьте неожиданными. Это мой личный совет. Итак, каждый из вас, надеюсь, знает, что такое сумма и откуда она взялась. Ой, да не смотрите вы на меня так. Конечно, вы не знаете...

Элеонора начинает рассказывать историю. Это занимает довольно много времени. Но к моему счастью, почти все это я уже изучил. Вторая мировая, странный метеорит, появление суммы, эпоха новой смуты, появление пятерых, кланы...

А вот тут интересно...

– ...существует всего пять влиятельных коалиций. Вы о них знаете, но с программой обучения не поспоришь. Так что слушайте. И давайте не будем лицемерить, все мы называем их не коалициями, а кланами. Сейчас я расскажу вкратце, подробно разбирать каждый клан будем на других занятиях. Итак, у каждого свои особенности...

Женщина поворачивается к нам обтянутой в белое попой. И теперь мужской части тяжело смотреть на то, что Элеонора вырисовывает маркером на доске.

– Новус – выходцы из Северной и Южной Америки. Самый многочисленный клан. Демократы. Подмяли под себя технологическое преимущество в мире.

Учитель перемещает центр тяжести на левую ногу, отчего формы попы играют новыми красками.

Парни ахают, девушки осуждающе ворчат.

– Согласна, – кивает Элеонора, – Новус – он такой. А теперь Джунсиначи – это практически вся Азия. Последователи чистой крови, от чего их очень мало, но каждый член – могущественный одаренный. Удивительно, но слово «коррупция» для них страшный позор.

На очередное движение Элеоноры парни ёрзают на стульях.

– Филзели – с африканского континента. Самые немногочисленные и скрытные. Попасть в их ряды практически невозможно. Особенно нечерному. О их деятельности практически ничего неизвестно. Хотя кому я вру. Мне немного известно, но об этом я не расскажу.

Ученики переглядываются. В их глазах разочарование. Видимо они надеялись, что хоть в школе что-то узнают про этот клан. Я бы тоже с удовольствием послушал.

– Вельтешафт – европейское объединение. На сегодня главенствующий мировой клан. И аристократами могут называться только члены этого клана. Богатейшие люди мира, влиятельные политики. Пять лет назад они разнесли клан Новус за первенство в мире. Неудивительно, учитывая их особые... увлечения суммой. Но да ладно, об этом поговорим на отдельных занятиях.

На задних рядах слышатся смешки.

Элеонора замирает на месте. Поворачивает голову, смотрит на улыбающегося толстяка с родимым пятном на подбородке:

– Что ты сказал? – улыбается Элеонора.

Толстяк бледнеет. Я тихо хмыкаю. То, что он сказал мои уши уловили. А вот как это сделали уши Элеоноры, для меня секрет.

– Ничего. Я ничего не говорил...

– Говори громче, я не слышу. Ты мужчина или кто?

– Я ничего не говорил, учитель.

Элеонора поворачивается всем корпусом, медленно шагает в его сторону, цокает каблучками, улыбается.

– Если я дойду до тебя पहले, чем ты осознаешь, что сказал... То прости... Но ты пожалеешь до конца обучения.

Шаг, второй.

Какая горячая женщина. Признаю, она даже меня немного впечатлила.

Толстяк скулит:

– Пожалуйста...

Еще шаг. Она совсем близко. Но ничего не говорит, только улыбается.

Толстяк встает, опрокидывая стул, закрывает глаза, визжит:

– Я сказал, что у вас клевая задница! Простите меня! Простите!

Еще шаг.

– Повтори дословно.

– Клевая жопа у этой цыпки!

Класс выдыхает. Гробовая тишина. Элеонора останавливается.

– Молодец. Да, я знаю, что она клевая. Но если я услышу от вас еще что-то подобное, то... расстроюсь. Мы живем в то время, когда учитель не будет сюсюкаться с учениками. Я вправе пустить вам хм... кровь. А теперь, мальчики, поднимите руки, кто понял.

Несмотря на острое желание проверить, как же она расстроится, я все же лениво поднимаю руку вместе с остальными.

Элеонора подходит к доске. Продолжает:

– Исталы – последние в нашем списке. Состоят в основном из славян. После Новой Смуты многое изменилось. И те, кто раньше ненавидел друг друга стали братьями по крови. Вот так сюрприз, да, детки? Кто-нибудь знает, почему кланы поделены по расовому происхождению? И даже не смейте говорить про расизм.

Руку поднимает Лика. Элеонора кивает.

– Ну-у-у... предрасположенность к сумме?

– Все верно, молодец. Никто не знает почему, но у каждой расы своя особая предрасположенность к конкретному направлению суммы. Но это не значит, что все чернокожие – мастера суммы тела. Это значит, что большая их часть предрасположена к ней. Это же отно-

сится и к азиатам, и к славянам. Этот феномен изучается, и те, кто поступит в высшие институты, узнают больше. Хотя кому я вру. Вероятность, что вы раскроете свой дар в Новой Эре – всего тридцать процентов. Что уж говорить об Академиях высших порядков... Так, я отвлеклась. Исталы – лучшие алхимики мира. Их услугами пользуются все одаренные. И несмотря на страшную коррумпированность... ой, простите, как я могу так говорить, – усмехается, – они незаменимы. И, кстати, Новая Эра принадлежит Исталам. Как и весь российский кластер.

Элеонора разворачивается так стремительно, что у учеников первых рядов вздымаются волосы.

– Ну что? Все же понятно? Что, не записывали? Ну извините, забыла сказать, – легкая улыбка. – Да вы же и так все знаете. Умные такие – по лицам вижу.

Толстяк в белой рубаше, резко заинтересовавшийся обучением, подымает руку:

– Вы не сказали про ответвления, учитель.

– Садись. Все верно. Ответвления – это самопровозглашенные кланы. Группы фанатиков и идеалистов со своими взглядами на мир и направлениями суммы. Официально они не признаются, но и не запрещаются. Некоторые из них заслуживают внимания. Например, клан Амарэ состоит из совершенно неодаренных нянек, но очень талантливых детей. Или российский клан «Новая Сила». У нас обучаются их представители. Например, вот этот молодой человек успел с ними недавно познакомиться и обзавестись там друзьями.

Элеонора кивает в мою сторону. Десятки глаз смотрят на меня.

– Так, я надеюсь, что все всё поняли. А если нет, вот вам шпаргалка: Новусы – новы – тупые америкосы. Джунсиначи – джуны – узкоглазые фанатики, Филзели – филы – мутные негры, Вельтешафт – вальты – европейские буржуи, Исталы – исты – русские ваньки.

Ученики раскрывают рты. Я с интересом рассматриваю их реакцию. Элеонора хмыкает:

– А вы думали почему Новая Эра одна из лучших школ? Мы подаем знания доступно. Даже самый тупой неодаренный поймет. Наша сила – сделать из сложного легкое. Но только не рассказывайте об этом своим начальникам, ладно? Они не поймут.

Элеонора задорно подмигивает группе азиатов на задних партах.

Звенит звонок.

Смотрю на часы.

11:59

Двадцать минут на отдых и очередное занятие с этой прекрасной леди. Элеонора мне сразу понравилась. Сильная, волевая. В моем вкусе. В Варгоне таких мало.

Взбодораженные ученики выходят на обед, учительница садится за свой стол, утыкается в компьютер, что-то печатает.

– А ты чего здесь? – спрашивает меня Элеонора.

– А нельзя?

– Можно, – пожимает плечами и занимается своими делами.

Достаю зубочистку, разглядываю Элеонору. Она сильнее, чем кажется. Каждое ее движение намекает об этом. Резкие, но одновременно плавные. Изящные и грациозные, но в них скрыта мощь крупной хищной кошки.

В класс заглядывает блондинчик, он опасливо смотрит на учительницу, кивает мне. Мол выходи.

– Сева, ты не стесняйся, заходи, – не отрываясь от дел, предлагает Элеонора.

Парнишка выпрямляется в струнку, кланяется:

– Учитель Элеонора, здравствуйте! Простите, что помешал!

– Ну что ты. Как же ты можешь мне помешать. Проходи, говорю.

– Спасибо, нет.

И... убегает.

– Какой пугливый у тебя друг, Константин.

Похоже, тишиной мне не насладиться. Вздыхаю, встаю, выхожу. Нахожу Севу. Он стоит в уголке, пыхтит, словно прошел маршем сотню километров:

– Конст, ты офигел меня с этой стервой стравливать! Я жду, а тебя нет! Что за фигня?

– Почему стервой?

– В смысле почему? Ты издеваешься? Забыл наш первый год?

– Не забыл, – вру я.

– Она еще тогда нас невзлюбила. Из-за бати твоего... Жопа тебе короче, бро. Она теперь тебе прохода не даст.

– Да я бы не сказал. Занятие нормально прошло.

– Так она та еще стервозина. Исподтишка нагадит. Говорю же тебе, так и будет. Ты че тупишь? Но да пофиг. У тебя сейчас других траблов полно. Че с силачами-то? Рассказывай, почему они тебя так невзлюбили... Я в пятницу на отработке в лесу был. Не застал кипиш.

Пока идем в столовую я старательно подбираю слова, пересказывая события пятницы.

– Херасе. Вот это ты попал, – бубнит Сева, озираясь по сторонам. – Так и мне за компанию перепадет...

Заходим в столовую. Оглядываюсь. Хм, интересно. В помещении три входа, стоят три стола. Огороженных друг от друга высокой полупрозрачной ширмой. Краем глаза замечаю, как отличаются на них блюда. На одном вижу разномастные и очень дорогие яства. Омары, икра, красная рыба, фрукты всех мастей, десятки разновидностей соков и смузи. Но мы идем к столику с кашами, вареной картошкой и гречкой с редкими кусками мяса. Из напитков – компот, чай, вода.

Делаю выводы, что ширмы не просто так прозрачные. Учеников специально разделяют на элиту и неудачников. Мол, смотрите друг на друга, завидуйте, ненавидьте.

Сева берет поднос, набирает до отвала риса с морковкой, заливает все майонезом. Берет два стакана компота. Я же себя балую гречкой с мясом и горячим чаем с сахаром, с интересом разглядывая изыски за ширмой. В основном их уплетают ученики в формах, отличающихся от моей. Желтые пиджаки, красные платья, кимоно. Все эти ученики состоят в кланах. Хотя вижу и беляков. Среди бесклановых тоже есть обеспеченные люди.

Очень хочется спросить у Севы, как попасть в клан, но уверен, что это вызовет подозрение.

Садимся за пустой стол:

– Ну что, выбрал уже себе клан? – как бы отшучиваюсь я.

– Очень смешно. Сразу в вальты, да? А там карьера, аристократия. Говно вопрос.

– Ну а почему бы и нет. Беляками надоело ходить.

Сева хмыкает с набитым рисом ртом:

– Резко же ты мнение поменял. Недавно же говорил, что они все лохи, и тебе и без того хорошо.

Поглощаю свою гречку, стараюсь не думать, как бессмысленно трачу свое время в компании с Севой. Он, конечно, друг, но не совсем мой.

– Ну если уж ты передумал, – задумывается Сева, – то я бы пошел в филы. Жалко, негры почти никого не берут.

– Почему в филы?

– Шутишь? Да они самые загадочные типки. Тайные убийцы, торговцы информацией. Крутые перцы, по-любому.

Краем глаза замечаю старых добрых друзей, продолжаю поглощать гречку.

– Свали, – рычит Клоуш на Севу.

Парень давится своим рисом, вскакивает с места, быстрым шагом сваливает из столовой, даже не посмотрев на меня.

Становится тише. Многие перестают болтать...

– Ну что, прыщ, – садится великан на место Севы, с омерзением отодвигая его поднос. – Расслабился?

А гречка вкусная. В Варгоне такого не было. Прямо чувствую, какая она питательная и полезная. Так бы и крикнул: кушайте, дети, гречку.

– В глаза мне смотри, когда я с тобой разговариваю.

– Как рука?

Я напрягаюсь, но удара не следует.

Понятно. Значит хочет спровоцировать. Чтобы потом сказать, что я первый нарвался, поэтому ему пришлось пересчитать мне кости.

Клоуш на этот раз ведет себя сдержанней. Готовился что ли?

– Лучше, чем может стать твоя. Дрочить долго не сможешь, – скалится он, показывая рукой, как дрочат неудачники без девушек.

В зале кто-то начинает поддакивать, хихикать, поддерживая великана. Не обращаю внимания на идиотов, спокойно беру солонку с перцем и добавляю остроты пище богов. М-м-м, вкусно.

Всегда любил еду поострее.

Встаю, беру поднос, несколько секунд смотрю в глаза Клоуша. Иногда взглядом можно сказать намного больше, чем словами. Надеюсь, Клоуш заметит то, что я хочу ему «сказать». И не делает глупостей.

Великан на мгновение перестает улыбаться. Но снова скалится.

Я пожимаю плечами, прохожу мимо него и...

Ну, разумеется, подножка. Кто бы сомневался. Я услышал движения Клоуша еще до того, как он их сделал. Слух Альва острее слуха самого чуткого животного Варгона. Странно только, что это работает здесь.

Магистр говорил, что в жизни силу и разум нужно показать так, чтобы хватило навсегда или надолго. Но сделать это нужно качественно. Чтобы не повторять... И не важно, кто противник. Чем он сильнее, тем лучше эффект.

Я специально налетаю на подсечку, но не падаю, так как был к этому готов. Лишь пошатываюсь и...

Пригоршня перца летит в лицо Клоуша. Попадает в рот и глаза. Он дергается, встает...

Пу-у-у-ум!

Глухой звук удара подноса по лицу эхом отдается от стены к стене.

Какой крепкий!

Пу-у-ум! Пу-у-ум!

Еще два удара и великан всем весом падает на пол, орет, машет руками...

Если он поднимется, то это сильно усложнит мне жизнь.

Вижу, как «силачи» несутся на помощь своему коллеге.

Бам! Мой удар ногой в лицо соскальзывает. Клоуш словно шестым чувством замечает угрозу для своего уже когда-то сломанного носа. Он не может открыть глаза, но хватает меня за ногу, дергает с такой силой, что я теряю равновесие. На лету группируюсь, взмахиваю рукой, падаю прямо на Клоуша и...

Он не успевает схватить меня и сломать пополам. Вилка вонзается ему прямо в глазное яблоко.

Магистр говорил, что если в таких случаях не сделать все качественно с первого раза, то потом меня настигнут проблемы. Так что, если решился – делай красиво. Не бойся, не сомневайся, иди вперед до конца. С последствиями разберешься потом.

Демонстрация силы всегда тяжелый шаг в становлении хранителя храма Шэйлы.

А еще...

Земля – куда более суровое место, чем кажется. На сайте Новой Эры я видел мелкую приписку: всего семьдесят пять пострадавших из которых только семнадцать погибших за 2021 год. Правила в Новой Эре просты до безобразия. Виноват тот, кто первый ударил. Всегда. И защищаться можно вплоть до смерти одного из участников конфликта.

Именно поэтому тут так много забитых неудачников. Они никогда не ответят на провокацию и буду терпеть усмешки до самого конца обучения. Потому что тот, кто влезет в драку – может ее не пережить. И любой белячок знает, что насмешку от авторитетного ученика или аристократа – лучше перетерпеть. Ведь месть – очень опасная вещь.

Вот только мне... плевать.

Магистр говорит, что только горящий осветит мир.

Я вдавливаю вилку в глаз по самые мозги. Клоуш орет... Через мгновение булькает. Бьется в конвульсиях...

А вот и подмога «силачей».

Меня подхватывают, с силой оттаскивают от дергающегося в агонии великана.

Но вот становится тихо...

Слишком тихо...

Силач, скрутивший мне руки и удерживающий со спины удушающим, в панике мямлит: – Ты... даже не представляешь... что наделал... мутила...

Он сжимает мне шею сильнее. В глазах темнеет.

Наклоняю голову вперед до предела и боли в связках, сам себе передавливая сонные артерии и... резко назад! Затылком выбиваю искры из своих глаз и из зубов держащего меня парня. Одновременно с этим вонзаю в его ляжку ту же окровавленную вилку, что недавно выдернул из чужих мозгов.

Гробовую тишину разрывает свинячий визг еще одного... «силача».

Глава 6

Сумма выбора

Заместитель директора Георгий Александрович сидит на своем роскошном стуле напротив меня:

– Серьезно?

Пожимаю плечами.

– В первый же учебный день?

– Похоже на то.

Георгий смотрит на меня. Долго так смотрит.

– Не спорю, на этот раз ты не нарушил правил. Не сбежал, никому не скормил фекалий, но... – он кашлянул. – Давай говорить откровенно. Как мужчина с женщиной. Хорошо?

Киваю.

– С появлением Суммы мир покатился в бездну. Конституции о правах людей стали чертовыми комиксами. Десятилетняя смута опустила порядки до средневековых. Да, я веду к тому, что не одобряю новую клановую политику. Вы, прости меня, почти дети, можете убить друг друга из-за пустяка, – откидывается в кресле. – И вот передо мной ты – тот, кто второй день подряд калечит и убивает моих учеников. Которые, в отличие от тебя, платят за обучение.

– Бред.

– Прости?

– В школе разрешены убийства при самозащите. Вы – второй человек здесь, верно? Не нравится это? Измените. Не можете – увольняйтесь, – скрещиваю руки. – Но я ничего не нарушил. На видеозаписях видно, что на меня напали. Так было и в пятницу. Так почему я это выслушиваю?

Георгий долго смотрит мне в глаза.

– Вижу ты всю пользуешься моим предложением поговорить как мужчина с женщиной, да? Что ж, похвально, что у тебя есть яйца, Константин. Давай скажу, почему ты здесь. Именно потому что я пытаюсь все изменить. Мир столкнулся с силой и изучает ее силой. За счет вас – поколений, родившихся уже с суммой.

Пожимаю плечами. Он прав. Люди боятся того, чего не понимают. И делают все, чтобы это изменить. Не считаясь с ценой. Полвека я изучал людей в Варгоне.

Но дело не в этом. Если бы я хотел быть тихим и незаметным – я бы им стал. Но чтобы понять, как я здесь очутился и почему, мне нужно больше власти и связей. Поэтому я не могу позволить каким-то недомеркам подорвать мой и без того расшатанный до предела авторитет. И придется играть по правилам «сильных слабаков». До поры до времени.

Георгий морщится от того, что я ему не отвечаю:

– Ты стремительно теряешь мою благосклонность, Константин. Убийство и драки – то, чего ты должен избегать.

– А Клоушу вы об этом говорили?

– Разумеется.

– Но похоже ему было плевать.

– Все верно. Но он очень влиятельный ученик. А ты нет. Видишь, я говорю с тобой открыто. И да, ты убил племянника главы клана «Новая Сила». И это еще одна причина почему ты здесь. Возможно... я смогу тебе помочь.

Достаю из кармана зубочистку, коюсь на Георгия:

– Можно?

Он отмахивается, и я зажимаю ее зубами:

– О какой помощи идет речь?

– Скажем так – я не допущу, чтобы тебя убили во время обучения. Ты очень болезненно задел «Новую Силу». А они далеко не самые всепрощающие.

– А что взамен?

Георгий улыбается.

– Как бы тебе объяснить... У меня в школе много... хм... любимых учеников. Я тщательно их отбираю и оберегаю, как своих детей. Взамен прошу сущую ерунду. Всего лишь... немного лояльности. Понимаешь?

Киваю:

– Конечно.

А вот и местная шпионская сеть. И я столкнулся с ней довольно быстро. Так получается всегда, когда становишься заметным. Кто-то да обязательно вылезет со своими «выгодными предложениями».

Интересно. Разумеется, визжать и махать руками, что я не крыса, я не буду. Это вполне типичная среда при любом дворе. Самое правильное – согласиться. Но есть и недостатки. На меня повесят незримую метку. И кто знает, когда она может всплыть.

Несмотря на совершенно спокойное выражение лица Георгия я слышу, как его сердце ускоряет ритм. Он либо что-то недоговаривает, либо заинтересован во мне больше, чем хочет показать.

Но сразу соглашаться нельзя.

– Вы поможете мне со вступлением в клан Вельтешафт.

Георгий усмехается:

– Пока что ты доставил мне только вонючую кучу проблем. А я уже должен помогать тебе со вступлением в главенствующий клан мира? Ты хоть понимаешь, что просишь?

– Предельно ясно понимаю.

– А похоже нет. Во-первых, я всего лишь заместитель директора школы неодаренных. У меня нет такой власти. Максимум что я смогу – выставить твою кандидатуру на рассмотрение. А уж как ты пройдешь отборочное испытание... Во-вторых, за всю историю моей школы в Вальты взяли лишь одну ученицу. Но у нее был чрезвычайно сильный дар.

Георгий устало потирает виски, всеми силами показывая мне, как ему неинтересен этот разговор:

– Да, комиссия от Вальтов придет, посмотрит на ваши кривляния и уйдет. Шансы есть только в европейских Высших Академиях. А вот Италы... тут другой вопрос. Здесь я могу помочь. Но твои умения должны быть превосходны. А ты еще даже не пробудил свой дар. И вряд ли пробудишь.

Он смотрит на меня с легкой усмешкой:

– И обойдется тебе моя помощь очень дорого. Понятия не имею, как ты расплатишься. Маленькой лояльности точно не хватит.

Я слушаю очень внимательно. Стараюсь не упустить ни одной детали.

– Тогда давайте сначала посмотрим, что я смогу вам предложить.

Возмущаться с пеной у рта, что я честный и порядочный нет смысла. Просто испорчу с ним отношения. Намного легче притвориться лояльным. А там уже смотреть по обстоятельствам.

Георгий поднимает уголок губы:

– Это правильный подход, – смотрит на часы. – Что ж, я пока попридержу «Новую Силу». Совсем ненадолго. Посмотрю, так сказать, на твою... активность. А теперь ступай на занятия. Ты и так опоздал на полчаса. И не забудь... к-хм... предупреждать меня обо всем подозрительном в школе. В конце концов, я же заместитель директора. Ты свободен, Константин.

Встаю, киваю, выбрасываю зубочистку в золотую урну у двери. Выхожу, попадаю в не менее позолоченный коридор.

Осматриваюсь. Обучаются на этом пятом этаже только те, кто раскрыл дар. И если до четвертого этажа ученик не пробуждается, то его выпинывают из школы без диплома. И все четыре года обучения насмарку. А если учитывать, что только тридцать процентов учеников пробуждают эту сумму, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.